РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОЙ

ЛИТУРГІИ.

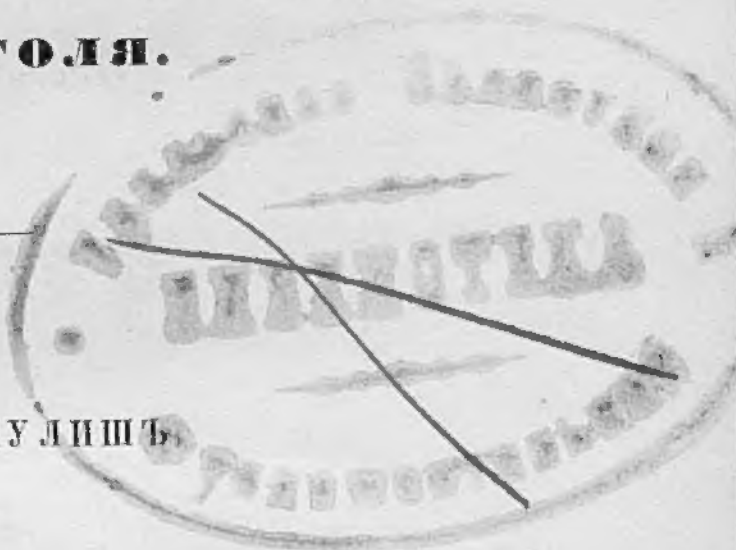
РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОЙ

ЛИТУРГІИ,

Н. В. Гоголя.

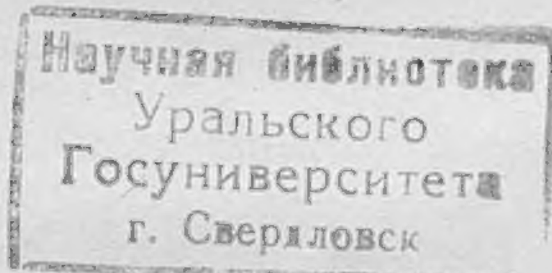
ИЗДАЛЪ П. А. КУЛИШЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1857.

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Мая 15 дня, 1857 года.

Ценсор *Архимандрит Кирилл*.

В ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
в Николаевской улицѣ, в д. г-жи Яценковой.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Цѣль этой книги показать, въ какой полнотѣ и внутренней, глубокой связи совершается наша Литургія, — показать людямъ, еще мало ознакомленнымъ съ ея значеніемъ. Для этой цѣли здѣсь выбраны изъ множества объясненій Святыхъ Отцевъ и Учителей Церкви только тѣ, которыя доступны всѣмъ своею простотою и которыя служатъ преимущественно

къ тому, чтобы показать правильный исходъ одного дѣйствія изъ другого ([1]). *Намѣреніе издающаго эту книгу состоитъ въ томъ, чтобы утвердился въ головѣ читающаго порядокъ всего. Онъ увѣренъ, что всякому, со вниманіемъ слѣдящему за Литургіею, глубокое, внутреннее значеніе ея раскрываться будетъ само собою.*

Н. Гоголь.

([1]) Всякъ, кто бы захотѣлъ узнать болѣе таинственныя и глубокія объясненія, можетъ найти ихъ въ сочиненіяхъ Патріарха Германа, Іереміи, Николая Кавасилы, Симеона Солунскаго, въ Старой и Новой Скрижали, въ объясненіяхъ Дмитревскаго и проч.

РАЗМЫШЛЕНІЯ
о
БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Божественная Литургія есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбя отъ неустроеній своихъ, человѣчество отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, взывало къ Творцу своему. И пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишенные Боговѣдѣнія сознавали, что порядокъ и стройность могутъ быть водворены въ мірѣ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Тоскующая тварь звала своего Творца. Безсильная понимать вели-

кій языкъ не только ежедневно совершающихся и говорящихъ событій въ мірѣ Божіемъ, но даже разобрать и малѣйшую букву, требующую вѣковыхъ усилій, выжидала она вразумленія изъ устъ самого Творца. Воплями взывало все къ виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣе слышались въ устахъ избранныхъ и пророковъ. Предчувствовали и гадали, что если Создатель предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ, то предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ созданія Своего, созданнаго по Его образу и подобію. Вочеловѣченіе Бога на землѣ предпоставлялось всѣмъ по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о Божествѣ; но ясно говорилось объ этомъ только у Пророковъ Богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышано даже и язычниками, но ясно говорилось о томъ только у Пророковъ.

Вопли услышаны: явился въ міръ, Имъ же *міръ бысть.* Среди насъ явился Онъ подобнымъ намъ, въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества, но только не въ томъ видѣ, въ какомъ представлялся Онъ ихъ неочищенному понятію: не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленія, не какъ судія, приходящій истребить однихъ, наградить другихъ, — нѣтъ, совершилось Его явленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ...

ПРОСКОМИДІЯ.

Священникъ, которому предстоитъ совершать Литургію, долженъ еще съ вечера трезвиться тѣломъ и духомъ, долженъ быть примиренъ со всѣми, долженъ опасаться питать какое-нибудь неудовольствіе на кого бы то ни было и съ вечера долженъ уже, прочитавъ положенныя молитвы, пребывать мыслію во святынѣ того, что предстоитъ ему на утрѣ, чтобы и самая мысль его заблаговременно освятилась и облагоухалась. Взошедши въ церковь, вмѣстѣ съ Діакономъ, покланяются они оба предъ Царскими вратами, цѣлуютъ образъ Спасителя, цѣлуютъ

образъ Богородицы, кланяются всѣмъ стоящимъ направо и налѣво, испрашивая симъ поклономъ себѣ прощенія у всѣхъ, и входятъ въ алтарь, произнося въ себѣ псаломъ: *Вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему въ страсѣ Твоемъ,* и, приступивъ къ престолу (лицомъ къ востоку), повергаютъ предъ нимъ три наземныхъ поклона и цѣлуютъ самый престолъ и лежащее на немъ Евангеліе, какъ-бы самого Господа, сѣдящаго на престолѣ, и приступаютъ къ облаченью себя въ священныя одежды, чтобы отдѣлиться не только отъ другихъ, но и отъ самихъ себя, ничего не помнить въ себѣ похожаго на человѣка, занимающагося ежедневными житейскими дѣлами, и чтобы напомнить съ тѣмъ вмѣстѣ о всей великости предстоящаго служенія.

Отъ временъ Апостольскихъ уже употреблялась при Богослуженіи эта отличная отъ другихъ одежда. Хотя и не мог-

ла гонимая Церковь придать ей всего нынѣшняго великолѣпія, но строго предписывалось уже издавна, чтобы пресвитеръ не являлся на служеніе въ своей повседневной одеждѣ и чтобы никто изъ клира не смѣлъ выйти на улицу въ той одеждѣ, которую имѣлъ на себѣ во время служенія. Облекая себя въ сіи сіяющія одежды, служители Церкви должны облекаться въ высшія сіяющія доблести душевныя. Посему всякое облаченіе сопровождается словами, выбранными изъ псалмовъ и раскрывающими глубокое значеніе облаченій, дабы не отлучилась куда-нибудь въ сторону мысль священно-служителя, занятаго такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, каково одѣваніе, но настроилась бы и самимъ симъ одѣяніемъ къ высокому служенію, и предсталъ бы онъ, подобно Аарону, одѣтый великолѣпно, и тѣломъ, и духомъ, передъ страшный престолъ Всевышняго, *да не умретъ духовно!*

И Священникъ, и Діаконъ, принимая въ руки одежды свои, творятъ каждый по три поклона къ востоку и произносятъ въ себѣ: *Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя.* Держа въ рукахъ стихарь съ орарем, Діаконъ проситъ Іерея, да благословитъ то и другое. Получивъ благословеніе, онъ отходитъ въ сторону и облачается такъ: сначала надѣваетъ стихарь, то же, что у Священника подризникъ, который есть почти то же, что тресновитая риза у ветхозавѣтныхъ священниковъ. Подризникъ всегда бываетъ свѣтлаго, блистающаго цвѣта, въ знаменованіе свѣтоносной Ангельской одежды и въ напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна съ саномъ священства. Діаконъ, облачаясь въ стихарь, равно какъ и Священникъ, когда надѣваетъ подризникъ, произноситъ: *Возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя, яко*

жениху возложи ми вѣнецъ и яко невѣсту украси мя красотою. За тѣмъ, поцѣловавъ орарь, узкое длинное лентіе, возлагаетъ его на лѣвое плечо свое. Орарь есть собственно принадлежность Діаконскаго званія; имъ подаетъ Діаконъ знакъ къ начинанію всякаго дѣйствія церковнаго, воздвигая народъ къ моленію, пѣвцовъ къ пѣнію, Священника къ священнодѣйствію, себя къ Ангельской быстротѣ и готовности въ служеніи. Ибо, во время Литургіи, званіе Діакона есть то же, что званіе Ангела на небесахъ: самимъ симъ возложеннымъ на его плечо тонкимъ лентіемъ, развѣвающимся на немъ, какъ-бы въ подобіе воздушнаго крыла, и хожденіемъ своимъ по церкви изобразуетъ онъ, по слову Златоуста, Ангельское летаніе. Потомъ надѣваетъ Діаконъ поручи, или нарукавницы, которыя стягиваютъ у самой кисти его руки для сообщенія имъ большей свободы и ловкости въ отправ-

ленія предстоящихъ священнодѣйствій. Надѣвая ихъ, помышляетъ онъ о всетворящей и вседѣйствующей повсюду силѣ Божіей. Надѣвая на правую, произноситъ онъ: *Десница Твоя, Господи, прославися въ крѣпости; десная Твоя рука, Господи, сокруши враги, и множествомъ славы Твоея стерлъ еси супостаты.* Надѣвая на лѣвую руку, помышляетъ о самомъ себѣ, какъ твореніи рукъ Божіихъ, и молитъ Его, своего Творца, да руководитъ его верховнымъ свышнимъ Своимъ руководствомъ, говоря такъ: *Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя. Вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ.*

Священникъ облачается такимъ образомъ. Въ началѣ благословляетъ и надѣваетъ стихарь, сопровождая сіе тѣми же словами, какими сопровождалъ и Діаконъ; но вслѣдъ за стихаремъ надѣваетъ уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрывъ оба

плеча и обнявъ шею, соединяется обоими концами на груди его вмѣстѣ и сходитъ въ соединенномъ видѣ до самого низу его одежды, и, называясь эпитрахилью, знаменуетъ изліяніе благодати свыше на Священника, почему и сопровождается это величественными словами Писанія: *Благословенъ Богъ, изливаяй благодать Свою на священники Своя, яко мѵро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его.* За тѣмъ надѣваетъ поручи на обѣ руки свои, сопровождая тѣми же словами, какъ и Діаконъ, и препоясуетъ себя поясомъ сверхъ подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды въ отправленіи священнодѣйствій и дабы симъ препоясаніемъ выразить готовность свою; ибо препоясуется человѣкъ, собираясь въ дорогу, приступая къ дѣлу и подвигу: препоясуется и Священникъ, собираясь въ путь и дѣло небеснаго служенія, и

взираетъ на поясъ свой, какъ на крѣпость силы Божіей, его укрѣпляющей, почему и произноситъ: *Благословенъ Богъ, препоясуяй мя силою, и положи непороченъ путь мой, совершаяй нозѣ мои, яко елени, и на высокихъ* (т. е. въ дому Господнемъ) *поставляяй мя.* Если же онъ облеченъ при этомъ званіемъ высшимъ Іерейскаго, то привѣшиваетъ къ бедру своему четвероугольный набедренникъ, который знаменуетъ духовный мечъ, всепобѣждающую силу слова Божія, въ возвѣщеніе вѣчнаго ратоборства, предстоящаго въ мірѣ человѣку, — ту побѣду надъ смертью, которую одержалъ Христосъ, да ратоборствуетъ бодро безсмертный духъ человѣка противу тлѣнія своего. Потому и видъ имѣетъ сильнаго оружія брани сей набедренникъ и привѣшивается на поясѣ у чресла, гдѣ сила у человѣка, и сопровождается сіе воззваніемъ къ самому Господу: *Препояши*

мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради и кротости, и правды, и наставитъ Тя дивно десница Твоя. Наконецъ, въ завершеніе, надѣваетъ Іерей фелонь, верхнюю, всепокрывающую одежду, въ знаменованіе верховной, всепокрывающей правды Божіей, и сопровождаетъ сими словами: *Священницы Твои, Господи, облекутся въ правду и преподобніи Твои радостію возрадуются всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.*

И одѣтый такимъ образомъ Священникъ предстоитъ уже инымъ человѣкомъ. Каковъ онъ ни есть самъ по себѣ, какъ бы ни мало было его достоинство, но всѣ стоящіе во храмѣ глядятъ на него, какъ на орудіе Божіе, которымъ паляцаетъ Самъ Духъ Святый. Какъ Священникъ, такъ и Діаконъ умываютъ руки свои, сопровождая умовеніе чтеніемъ псал-

ма: *Умыю въ неповинныхъ руцѣ мои, и обыду жертвенникъ Твой, Господи*, и, повергнувъ по три поклона съ молитвенными словами: *Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй!* должны встать они, омытые и просвѣтлѣнные, подобно сіяющей одеждѣ своей, ничего не напоминая въ себѣ подобнаго другимъ людямъ, но подобясь сами скорѣе сіяющимъ видѣніямъ, чѣмъ людямъ.

Діаконъ напоминаетъ о началѣ священнодѣйствія словами: *Благослови, Владыко!* и Священникъ начинаетъ словами: *Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ*, и приступаетъ къ боковому жертвеннику. Вся эта часть служенія состоитъ въ приготовленіи нужнаго къ служенію, то есть, въ отдѣленіи отъ приношеній, или просфоръ, того хлѣба, который долженъ сначала прообразовать тѣло Христово, а потомъ пресуществиться въ него. Боковой жертвен-

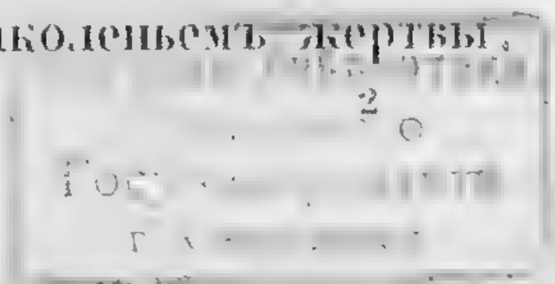
никъ сей, по лѣвую сторону престола, называемой иначе предложеніемъ, потому что на немъ предлагаются хлѣбы, образуетъ ту боковую храмину въ первоначальной Церкви, куда слагалось все приносимое Христіянами для священнодѣйствія и для общей трапезы. Такъ какъ вся Проскомидія есть ни что иное, какъ только приготовленіе къ самой Літургіи, то и соединила съ нею Церковь воспоминаніе о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьемъ къ Его подвигамъ. Она совершается вся въ алтарѣ, при затворенныхъ дверяхъ, при задернутой завѣсѣ, незримо отъ народа, какъ и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо для народа. Для молящихся же читаются въ это время Часы — собранье псалмовъ и молитвъ, которые читали Христіяне въ четыре важныя для Христіянина времени дня: часъ первый, когда начиналось по церковному исчи-

сленію утро, часъ третій, когда сошелъ Духъ Святый, часъ шестый, когда Спаситель міра пригвожденъ былъ ко кресту, часъ девятый, когда Онъ испустилъ духъ Свой. Такъ какъ нынѣшнему Христіянину, по недостатку времени и безпрестаннымъ развлеченьямъ, не бываетъ возможно совершать эти моленья въ означенные часы, для того они соединены и читаются одинъ за другимъ.

Приступивъ къ боковому жертвеннику или предложенію, Іерей беретъ одну изъ просфоръ, съ тѣмъ чтобы изъять средину съ печатью, ознаменованной именемъ Іисуса Христа, какъ-бы изображая уже симъ самимъ изъятіе плоти Христа отъ плоти Св. Дѣвы. Помышляя, что рождается принесшій въ жертву Себя за весь міръ, онъ какъ-бы видитъ въ хлѣбѣ агнца, приносимаго въ жертву, — въ копьѣ, которымъ долженъ изъять, какъ-бы жертвенный ножъ, имѣющій видъ копья, въ

напоминанье того копья, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. Не сопровождаетъ онъ теперь своего дѣйствія ни словами Спасителя, ни словами свидѣтелей, современныхъ случившемуся; не переносится мыслію къ тому именно времени, когда совершилось сіе принесеніе въ жертву: то предстоитъ впереди, въ послѣдней части Литургіи, а къ сему предстоящему онъ обращается издали прозрѣвающею мыслію. Какъ люди, о которыхъ сказано, что во тьмѣ увидѣли свѣтъ, глядитъ онъ на свѣтъ, впереди идущій; какъ прозиралъ Исаія орлинымъ пророческимъ прозрѣніемъ изъ своего настоящаго въ будущее: такъ изъ сей Проскомидіи глядитъ онъ пророчески на предстоящее впереди священнодѣйствіе и, соединяясь въ мысли съ Пророкомъ, сопровождаетъ всякое дѣйствіе словами его, изъ тьмы вѣковъ предрекавшими будущее чудное рожденіе, жертвоприношеніе

и смерть. Водружая копье въ правую сторону печати, произноситъ слова: *Яко овча на заколеніе ведеся;* водрузивъ потомъ копье въ лѣвую сторону, произноситъ: *И яко агнецъ непороченъ, прямо стригущаго его безгласенъ, тако не отверзаетъ устъ своихъ.* Водружая далѣе копье въ верхнюю сторону печати, говоритъ: *Во смиреніи Его судъ Его взятся.* Водрузивъ наконецъ въ нижнюю часть, произноситъ слова Пророка, погруженнаго въ размышленіе о дивномъ происхожденіи осужденнаго Агнца: *Родъ же Его кто исповѣсть?* Приподъемлетъ потомъ копіемъ вырѣзанную средину хлѣба, произнося: *Яко вземлется отъ земли животъ Его,* и крестовидно разрѣзываетъ его, произнося: *Жрется Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра за мірскій животъ и спасеніе.* Потомъ водружаетъ копье съ правой стороны, напоминая, вмѣстѣ съ заколеньемъ жертвы,

прободеніе ребра Спасителева, совершенное копьемъ стоявшаго у креста воина, и произноситъ: *Единъ отъ воинъ копіемъ ребра Его прободе, и абіе изыде кровь и вода; и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его.* Слова сіи служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомъ Діакону ко влитію въ святую чашу вина и воды. Діаконъ, взиравшій благоговѣйно на все совершаемое Іереемъ, съ произношеніемъ словъ внутри самого себя: *Господу помолимся,* вливаетъ наконецъ вина и воды въ чашу, испросивъ благословенья у Іерея на сіе соединеніе. Такимъ образомъ приготовлены и вино, и хлѣбъ, да пресуществятся потомъ, во время предстоящаго величайшаго священнодѣйствія.

За тѣмъ, по древнему святому обычаю и чину первенствующей Церкви, приступаетъ Священникъ къ другимъ просфорамъ, дабы, изъявъ отъ нихъ части въ

воспоминаніе усопшихъ и живущихъ, положить на томъ же дискосѣ, возлѣ того же святаго хлѣба, образующаго Самого Господа. Взявши въ руки вторую просфору, изъемлетъ онъ изъ нея частицу, въ честь и память Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, и полагаетъ ее по правую сторону святаго хлѣба, произнося изъ псалма пророческое слово: *Предста Царица одесную Тебе, въ ризы позлащенны одѣяна, преукрашена.* Потомъ беретъ третью просфору, въ воспоминаніе Святыхъ, и тѣмъ же копьемъ изъемлетъ изъ нея девять частицъ въ три ряда, по три въ каждомъ. Изъемлетъ первую частицу въ честь и память Св. Іоанна Крестителя; вторую — Пророковъ, третью — Апостоловъ, и симъ завершаетъ первый рядъ и чинъ Святыхъ. За тѣмъ изъемлетъ четвертую частицу въ память Святителей, пятую — Мучениковъ, шестую — Пре-

подобныхъ и Богоносныхъ Отцевъ и Матерей, и завершаетъ симъ второй рядъ и чинъ Святыхъ. Потомъ изъемлетъ седьмую частицу въ память Чудотворцевъ и Безсребренниковъ, восьмую — Богоотецъ Іоакима и Анны и Святаго, его же день, девятую — Іоанна Златоуста, или Василія Великаго, смотря по тому, чья совершается въ тотъ день Литургія, и завершаетъ симъ третій рядъ и чинъ Святыхъ, и полагаетъ всѣ девять изъятыхъ частицъ на святой дискосъ возлѣ святаго хлѣба, по лѣвую его сторону. И Христосъ является среди своихъ ближайшихъ, во Святыхъ обитающій зрится видимо среди Святыхъ Своихъ. Принимая въ руки четвертую просфору за всѣхъ живыхъ, изъемлетъ изъ нея частицы за все Епископство Православныхъ, Святѣйшій Сѵнодъ и Патріарховъ, за царствующаго Императора и весь Домъ Августѣйшій, за православныхъ Христіанъ,

поименно, кого захочетъ помянуть, или о комъ просили его помянуть. За тѣмъ беретъ Іерей послѣднюю просфору и изъемлетъ изъ нея частицы въ поминовеніе всѣхъ умершихъ, прося въ то же время объ отпущеніи имъ грѣховъ ихъ, начиная отъ Патріарховъ, Царей, создателей храма, Архіерея, его рукоположившаго, если онъ уже находится въ числѣ усопшихъ, и до послѣдняго изъ Христіянъ; изъемлетъ также за каждаго, о комъ его просили, или за кого онъ самъ восхочетъ изъять. Въ заключеніе же всего, испрашиваетъ и себѣ отпущенія во всемъ, и также изъемлетъ частицу за себя самого; и всѣ эти частицы, представляющія собою тѣхъ, кто поминается при священнодѣйствіи, Іерей полагаетъ на дискосѣ возлѣ того же святаго хлѣба, внизу его. Такимъ образомъ, вокругъ сего хлѣба, сего Агнца, изображающаго Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествую-

щая на небесахъ, и воинствующая на землѣ. Сынъ человѣческій является какъ-бы среди человѣковъ, ради которыхъ Онъ воплотился и сталъ человѣкомъ. Взявъ губку, Священникъ бережно собираетъ ею и самыя крупицы на дискосъ. [1]

Отошедши отъ жертвенника, покланяется Іерей, какъ-бы онъ покланялся самому воплощенію Христову, и привѣтствуетъ въ семъ видѣ хлѣба, лежащаго на дискосѣ, явленіе небеснаго хлѣба на землѣ, воздаетъ ему честь кажденіемъ ѳиміама, произнесши молитву: *Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ воню благоуханія духовнаго, еже пріемъ*

---

(1) Частицы, изъятыя изъ просфоръ съ воспоминаніемъ имени того, кто принесъ и за кого принесъ ихъ, къ концу Литургіи, по причащеніи погружаются въ чашу, съ моленіемъ: *Отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ кровію Твоею честною, молитвами Святыхъ Твоихъ.*

въ пренебесный Твой жертвенникъ, возниспосли намъ благодать пресвятаго Твоего Духа.

Переносясь мыслію ко времени, когда совершилось Рождество Христово, возвращая прошедшее въ настоящее, Іерей видитъ въ предложеніи какъ-бы таинственный вертепъ, въ которомъ благоволилъ родиться и возлежать Спаситель міра. Окадивъ звѣздицу и постановивъ ее на дискосѣ, видитъ въ ней какъ-бы звѣзду, приведшую волхвовъ къ яслямъ, гдѣ возлежалъ Богомладенецъ, почему и произноситъ слова: *И пришедши звѣзда, ста верху, идѣже бѣ Отроча.* Окадивъ первый покровъ, покрываетъ имъ святый хлѣбъ съ дискосомъ, произнося псаломъ: *Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...* и проч., — псаломъ, въ которомъ воспѣвается дивная высота Господня. Окадивъ второй покровъ, покрываетъ имъ святую чашу, произнося: *По-*

кры небеса добродѣтель Твоя, Христе, и хвалы Твоея исполнь земля. Взявъ потомъ большой покровъ, называемый святымъ воздухомъ, покрываетъ имъ и дискосъ, и чашу вмѣстѣ, взывая къ Богу, да покроетъ насъ кровомъ крылъ Своихъ, и, отошедъ отъ предложенія, покланяется, какъ покланялись пастыри и цари Богомладенцу, и кадитъ предъ вертепомъ, изобразуя въ семъ кажденіи то благоуханіе ладона и смирны, которые были принесены вмѣстѣ съ златомъ мудрецами.

Діаконъ же по-прежнему соприсутствуетъ внимательно Іерею, то произнося при всякомъ дѣйствіи: *Господу помолимся!* то напоминая ему о начинаніи самого дѣйствія; наконецъ принимаетъ изъ рукъ его кадильницу и напоминаетъ ему о молитвѣ, которую слѣдуетъ вознести ко Господу о сихъ для Него пріуготовленныхъ дарахъ, словами: *О предложенныхъ честныхъ дарѣхъ, Господу помолимся!* — и

Священникъ приступаетъ къ молитвѣ. Хотя дары эти не болѣе, какъ пріуготовленные только къ самому приношенію, но такъ какъ отнынѣ ни на что другое уже не могутъ быть употреблены, то и читаетъ Священникъ молитву, предваряющую о принятіи сихъ предложенныхъ къ предстоящему приношенію даровъ, и въ такихъ словахъ его молитва: *Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ, пищу всему міру, Господа нашего и Бога Іисуса Христа пославый, Спаса и Избавителя и благодѣтеля, благословяща и освящающа насъ, Самъ благослови предложеніе сіе и пріими е въ пренебесный Твой жертвенникъ; помяни, яко благъ и человѣколюбецъ, принесшихъ, и ихъ же ради принесоша, и насъ неосужденны сохрани во священнодѣйствіи Божественныхъ Твоихъ таинъ*, — и творитъ, вслѣдъ за молитвою, отпустъ Проскомидіи. Діаконъ же кадитъ предложеніе и потомъ кресто-

видно святую Трапезу, и, помышляя о земномъ рожденіи Того, Кто родился прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца, произноситъ въ самомъ себѣ: *Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй неописанный,* и выходитъ изъ алтаря, съ кадильницей въ рукѣ, чтобы привѣтствовать всѣхъ собравшихся на святую Трапезу любви и наполнить благоуханьемъ всю церковь. Кажденіе это совершается всегда въ началѣ службы, какъ и въ жизни домашней всѣхъ древнихъ Восточныхъ народовъ предлагались всякому гостю при входѣ омовенія и благовонія. Обычай этотъ перешелъ на это пиршество небесное, на тайную Вечерю, носящую имя Литургіи. Кадя и покланяясь всѣмъ равно, и богатому, и нищему, Діаконъ, какъ слуга Божій, привѣтствуетъ ихъ всѣхъ,

какъ гостей, наилюбезныхъ небесному Хозяину; кадитъ и покланяется въ то же время и образамъ Святыхъ, ибо и они суть гости, пришедшіе на тайную Вечерю, во Христѣ всѣ живы и неразлучны. Наполнивъ благоуханіемъ храмъ, онъ возвращается потомъ въ алтарь, и, вновь обкадивъ его, полагаетъ наконецъ кадильницу въ сторону и подходитъ къ Іерею. Оба вмѣстѣ соединяются и становятся передъ святымъ престоломъ.

Ставъ передъ святымъ престоломъ, Священникъ и Діаконъ три раза покланяются и, готовясь начинать настоящее священнодѣйствіе Литургіи, призываютъ Духа Святаго. Духъ — учитель и наставникъ молитвы. *О чесомъ бо помолимся, яко же подобаетъ не вѣмы*, говоритъ Апостолъ Павелъ, *но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*. Моля Святаго Духа, дабы вселился въ нихъ и вселившись очистилъ ихъ для служенія, и Свя-

щенникъ, и Діаконъ повторяютъ пѣснь, которою привѣтствовали Ангелы рождество Іисуса Христа: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Предъ этимъ временемъ (именно, съ началіемъ чтенія Часовъ), отдергивается церковная завѣса, знаменующая мысленныя горнія двери, которыя отверзаются только тогда, когда слѣдуетъ подъять мысль свою къ высшимъ горнимъ предметамъ. Здѣсь отверзаніе горнихъ дверей, вслѣдъ за пѣснію Ангеловъ, возвѣщаетъ, что не всѣмъ было открыто Рождество Христово, что узнали о немъ только Ангелы на небесахъ, Марія съ Іосифомъ, волхвы, пришедшіе поклониться, да издалека прозрѣвали его Пророки. Священникъ и Діаконъ произносятъ въ себѣ: *Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою!* Священникъ цѣлуетъ Евангеліе, Діаконъ цѣлуетъ святую трапезу (престолъ) и, преклонивъ гла-

ву свою, напоминаетъ такъ о начинанiи Литургiи: тремя перстами руки подъемлетъ орарь свой и произноситъ: *Время сотворити Господеви: Владыко, благослови!* И благословляетъ его Священникъ словами: *Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.* Дiаконъ, помышляя о предстоящемъ ему служенiи, въ которомъ долженъ уподобляться Ангелу летаньемъ отъ престола къ народу и отъ народа къ престолу, и, собирая всѣхъ во едину душу, быть, такъ сказать, святою возбуждающей силой во время служенiя, чувствуя при этомъ свое недостоинство, недостатокъ въ себѣ чистоты душевной, молитъ смиренно Iерея: *Помолися о мнѣ, Владыко! — Да исправитъ Господь стопы твоя!* ему отвѣтствуетъ на то Iерей. — *Помяни мя, Владыко святый! — Да помянетъ тя Господь Богъ во царствiи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!* Тихо, обод-

ренный глаголомъ, Діаконъ произноситъ: *Аминь,* и выходитъ изъ алтаря сѣверной дверью къ народу, и, взошедъ на амвонъ, находящійся противу Царскихъ вратъ, повторяетъ еще разъ въ самомъ себѣ: *Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою!* и, обратившись къ алтарю, взываетъ уже во всеуслышаніе, къ Іерею: *Благослови, Владыко!* Изъ глубины святилища возглашаетъ на то Іерей: *Благословенно царство, Отца, и Сына, и Святаго Духа...* и Литургія продолжается.

ЛИТУРГІЯ ОГЛАШЕННЫХЪ.

Вторая часть Литургіи называется Литургіею Оглашенныхъ. Какъ первая часть, Проскомидія, соотвѣтствовала первоначальной жизни Христа, Его рожденью, открытому только Ангеламъ да немногимъ людямъ, Его младенчеству и пребыванію въ сокровенной неизвѣстности до времени явленія въ міръ, такъ вторая соотвѣтствуетъ Его жизни въ мірѣ посреди людей, которыхъ огласилъ Онъ словомъ истины. Называется она Литургіей Оглашенныхъ еще потому, что въ первоначальныя времена Христіянства къ ней допускались и тѣ, которые только

готовились быть Христіянами, еще не приняли Св. Крещенія и находились въ числѣ оглашенныхъ. Притомъ самый образъ ея священнодѣйствій, состоя изъ чтеній Апостола и Св. Евангелія и болѣе общихъ молитвословій, есть уже преимущественно огласительный.

Іерей начинаетъ Литургію возглашеніемъ изъ алтаря: *Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...* Такъ какъ чрезъ воплощеніе Сына вѣдомо стало міру таинство Троицы, то поэтому троичное возглашеніе предшествуетъ и предсіяетъ начинанью всякихъ дѣйствій, и молящійся, отрѣшившись отъ всего, долженъ, съ перваго раза, поставить себя мыслію въ царство Пресвятыя Троицы.

Діаконъ, стоя на амвонѣ, лицомъ къ Царскимъ вратамъ, изобразуя собою Ангела, побудителя людей къ моленьямъ, поднявъ тремя перстами руки узкое лен-

тіе, образъ Ангельскихъ крылъ, призываетъ молиться весь собравшійся народъ тѣми же самыми молитвами, которыми неизмѣнно отъ Апостольскихъ временъ молится Церковь, начиная съ моленья о мирѣ, безъ котораго нельзя молиться. Собранье молящихся, знаменуясь крестомъ и стремясь обратить свои сердца въ согласно настроенныя струны органа, по которымъ должно ударять воззванье Діакона, восклицаетъ мысленно вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: *Господи, помилуй!*

Стоя на амвонѣ, держа молитвенный орарь, изображающій поднятое крыло Ангела, устремляющаго людей къ молитвѣ, призываетъ Діаконъ молиться: о свышнемъ мирѣ и спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ, о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрой, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, о Государѣ, Сѵнодѣ, начальствахъ

духовныхъ и гражданскихъ, палатахъ, воинствѣ, о городѣ, объ обители, или храмѣ, гдѣ служится Литургія, о благораствореніи воздуховъ, объ изобиліи плодовъ земныхъ, о временахъ мирныхъ, о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеньи ихъ, о избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И собирая все сею все объемлющею цѣпью моленій, называемою великою эктеніей, на всякое ея отдѣльное призваніе собранье молящихся восклицаетъ, вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: *Господи, помилуй!*

Въ знаменованіе безсилія нашихъ моленій, которымъ не достаетъ душевной чистоты и небесной жизни, возведя взоръ къ изображеннымъ на иконостасѣ ликамъ Богоматери и Святыхъ, Діаконъ призываетъ молящихся воспомянуть о тѣхъ, которые умѣли лучше нашего молиться и теперь молятся за насъ на небѣ,

и предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. Въ желаньи искреннемъ предать и самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу, какъ умѣли это сдѣлать, вмѣстѣ съ Богоматерью, Святые и лучшіе насъ, взываетъ вся Церковь: *Тебѣ, Господи!* Цѣпь моленій завершаетъ Іерей славословіемъ пресвятой Троицы, которое, какъ вседержащая нить, проходитъ черезъ всю Литургію, начиная и оканчивая всякое ея дѣйствіе. Собранье молящихся отвѣтствуетъ утвердительнымъ: *Аминь*, буди! да будетъ! Діаконъ сходитъ съ амвона; начинается пѣніе антифоновъ.

Антифоны, противугласники, пѣсни, выбранныя изъ псалмовъ, пророчески изобразующія пришествіе въ міръ Сына Божія, поются попеременно обоими ликами, на обоихъ клиросахъ.

Пока продолжается пѣнье перваго антифона, Священникъ молится въ алтарѣ

тайною молитвой, а Діаконъ стоитъ въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, поднявъ орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пѣнье перваго антифона, Діаконъ восходитъ на амвонъ призывать собранье молящихся словами: *Паки и паки миромъ Господу помолимся.* Собранье молящихся восклицаетъ: *Господи, помилуй!* Обративъ взоры къ ликамъ Святыхъ, Діаконъ вновь призываетъ вспомянуть о Богоматери и о всѣхъ Святыхъ и предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу. Ликъ, отъ лица всѣхъ молящихся, отвѣтствуетъ: *Тебѣ, Господи!* Троичнымъ славословіемъ заключается моленье. Утвердительнымъ *Аминь* отвѣтствуетъ вся Церковь. Начинается пѣнье второго антифона.

Въ продоженье второго антифона Священникъ въ алтарѣ молится тайною молитвою. Діаконъ становится опять въ молитвенномъ положеніи передъ иконой

Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки. По окончаніи же пѣнья, восходитъ онъ снова на амвонъ, призывая словами: *Паки и паки миромъ Господу помолимся.* Собранье восклицаетъ: *Господи, помилуй!* Діаконъ взываетъ: *Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію.* — Собранье восклицаетъ: *Господи, помилуй!* Далѣе: *Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу, Богородицу и Присно-Дѣву Марію, со всѣми Святыми помянувше, сами себе и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ.* Собранье восклицаетъ: *Тебѣ, Господи!* Троичнымъ славословіемъ оканчивается моленье. Утвердительный *Аминь* изглашаетъ вся Церковь. Діаконъ сходитъ съ амвона, а Священникъ въ закрытомъ алтарѣ молится тайною молитвой. Она въ сихъ словахъ: *Иже* (Ты, *который) общія сія и согласныя*

даровавый намъ молитвы, Иже и двѣма, или тремъ согласующимся о имени Твоемъ прошенія подати обѣщавый, Самъ и нынѣ рабъ Твоихъ прошенія къ полезному исполни, подая намъ и въ настоящемъ вѣцѣ познаніе Твоея истины, и въ будущемъ животъ вѣчный даруя!

Съ клироса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвѣщенныя Евангеліемъ Христовымъ. Собранье молящихся, воззваньемъ благоразумнаго разбойника, возопившаго ко Христу на крестѣ: *Помяни, мя, Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ,* повторяетъ вслѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя:

Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное, т. е. блаженны негордящіеся, невозносящіеся умомъ.

Блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся, т. е. блаженны плачущіе еще больше о собственныхъ несовершенствахъ и пре-

грѣшеніяхъ, чѣмъ отъ оскорбленій и обидъ, имъ наносимыхъ.

Блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю, т. е. блаженны непитающіе гнѣва ни противу кого, всепрощающіе, любящіе, которыхъ оружіе—всепобѣждающая кротость.

Блажени алчущіи и жаждущіи правды: яко тіи насытятся, т. е. блаженны алчущіе небесной правды, жаждущіе возстановить ее прежде въ самихъ себѣ.

Блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ, т. е. блаженны состраждущіе каждому брату, въ каждомъ просящемъ видящіе Самого Христа, за него просящаго.

Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ, т. е. какъ въ чистомъ зеркалѣ успокоенныхъ водъ, невозмущаемыхъ ни пескомъ, ни тиной, отражается чисто небесный сводъ, такъ и въ зеркалѣ чистаго сердца, невозмущаемаго страстями, уже нѣтъ ничего человѣче-

скаго, и образъ Божій въ немъ отражается одинъ.

Блажени миротворцы: яко тіи сынове Божіи нарекутся, т. е. блаженны тѣ, которые, подобно Самому Сыну Божію, сходившему на землю затѣмъ, чтобы внести миръ въ наши души, вносятъ миръ и примиренье въ домы, какъ истинные Божіи сыны.

Блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное, т. е. блаженны изгнанные за проповѣдь и защиту правды не одними устами, но благоуханьемъ всей своей жизни.

Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ, — многа, ибо заслуга ихъ троекратна: первая, что уже сами по себѣ они были невинны и чисты; вторая, что, бывъ чисты, были оклеветаны; третія,

что, бывъ оклеветаны, радовались, что потерпѣли за Христа.

Собранье молящихся слезно повторяетъ, вслѣдъ за чтецомъ, сіи слова Спасителя, возвѣстившія, кому можно ждать и надѣяться на вѣчную жизнь въ будущемъ вѣкѣ, кто суть истинные наслѣдники и соучастники небеснаго царства.

Здѣсь торжественно открываются Царскія врата, какъ-бы врата самого царствія небеснаго; и глазамъ всѣхъ собравшихся предстаетъ сіяющій престолъ, какъ селенье Божіей славы и верховное училище, отколѣ исходитъ къ намъ познанье истины и возвѣщается вѣчная жизнь. Приступивъ къ престолу, Священникъ и Діаконъ снимаютъ съ него Евангеліе и несутъ его къ народу не Царскими вратами, но боковою дверью, напоминающею дверь въ той боковой комнатѣ, изъ которой въ первыя времена

выносились книги на середину храма для чтенія.

Собранье молящихся взираетъ на Евангеліе, несомое въ рукахъ смиренныхъ служителей Церкви, какъ-бы на Самого Спасителя, исходящаго въ первый разъ на дѣло Божественной проповѣди. Исходитъ Онъ тѣсной сѣверной дверью, какъ-бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всѣмъ, возвратиться въ святилище Царскими вратами. Служители Божіи посреди храма останавливаются; оба преклоняютъ главы. Іерей молится тайною молитвой, чтобы установившій на небесахъ воинства Ангеловъ и Чины небесные, въ служенье славѣ Своей, повелѣлъ теперь симъ самымъ Силамъ и Ангеламъ небеснымъ, сослужащимъ намъ, совершить, вмѣстѣ съ нами, вшествіе во святилище; а Діаконъ, указывая молитвеннымъ ораремъ на Царскія двери, говоритъ ему: *Благослови, Владыко, свя-*

тый входъ! — Благословенъ входъ Святыхъ Твоихъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, возглашаетъ на это Іерей. Давъ ему поцѣловать святое Евангеліе, Діаконъ несетъ его въ алтарь, но въ Царскихъ вратахъ останавливается и, возвысивъ его въ рукахъ своихъ, возглашаетъ: *Премудрость!* указуя симъ на премудрость благовѣщенную міру чрезъ Евангеліе, и вслѣдъ за тѣмъ возглашаетъ: *Прости!* чѣмъ возбуждаетъ къ благоговѣйному стоянію. Собраніе молящихся, воздвигаясь духомъ, вмѣстѣ съ хоромъ взываетъ: *Пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу! Спаси насъ, Сыне Божій, во Святыхъ дивенъ Сый* (а воскресные дни: *воскресый изъ мертвыхъ) поющія Ти: Аллилуія!* На Еврейскомъ языкѣ, *Аллилуія* выражаетъ: *Хвалите Господа!* и знаменуетъ пришествіе или явленіе Божіе. Это слово сопутствуетъ всякой разъ тѣмъ священнодѣйствіямъ, когда Самъ Господь

исходитъ къ народу, въ образѣ Евангелія, или Даровъ Святыхъ.

Евангеліе, возвѣстившее слово жизни, полагается на престолѣ. На клиросахъ раздаются или пѣсни въ честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны въ честь Святому, котораго день празднуетъ Церковь, за то, что онъ уподобился тѣмъ, которыхъ поименовалъ Христосъ въ прочитанныхъ блаженствахъ, и что живымъ примѣромъ Собственной жизни, показалъ, какъ возлетать во слѣдъ за Христомъ въ жизнь вѣчную.

По окончаньи тропарей, наступаетъ время Трисвятаго пѣнія. Діаконъ, испросивъ на него у Іерея благословенія, показывается въ Царскихъ дверяхъ и, поводя ораремъ, подаетъ знакъ пѣвцамъ. Трисвятое пѣнье, состоящее въ семъ тройномъ воззваньи къ Богу: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!* оглашаетъ громогласно

всю церковь. Троекратно пѣвцы подъемлютъ сіе пѣніе, чтобы оно зазвучало въ слухъ всѣмъ. Священникъ въ алтарѣ, моляся тайною молитвой о принятіи сего трисвятаго пѣнья, три раза покланяется передъ престоломъ и три раза повторяетъ въ себѣ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!* И, вмѣстѣ съ нимъ, повторивъ въ себѣ три раза ту же Трисвятую пѣснь, Діаконъ три раза покланяется съ Іереемъ передъ святымъ престоломъ.

Сотворивъ это троекратное поклоненіе, отходитъ Іерей на горнее мѣсто, какъ-бы въ глубину Боговѣдѣнія, отколѣ истекла намъ тайна Всесвятыя Троицы, произнося: *Благословенъ грядый во имя Господне!* Не нетрепетной стопой восходитъ Іерей на горнее мѣсто и на призванье Діакона: *Благослови, Владыко, горній престолъ!* произноситъ: *Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего, сѣ-*

дяй на Херувимѣхъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ! Но садится Іерей (во время чтенія Апостола) не на горнемъ мѣстѣ, назначенномъ для Архіерея, а только со стороны его. Отселѣ, какъ Божій Апостолъ, обратясь лицомъ къ народу, приготовляетъ онъ вниманье къ слушанью наступающаго чтенія Апостольскихъ посланій.

Чтецъ, съ книгою Апостоломъ въ рукахъ, выходитъ на середину храма. Діаконъ призываетъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію словомъ: *Вонмемъ!* Священникъ посылаетъ изъ глубины алтаря и чтецу, и предстоящимъ желаніе мира. Собраніе молящихся отвѣтствуетъ Священнику тѣмъ же; но такъ какъ служеніе его должно быть духовно, подобно служенію Апостоловъ, которые глаголали не свои слова, но Самъ Духъ Святый двигалъ ихъ устами, то не говорятъ ему: миръ тебѣ, но: *и духови твоему!* Діаконъ возгла-

шаетъ: *Премудрость!* Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всѣмъ, начинаетъ чтецъ. Прилежно, сердцемъ пріемлющимъ, душою ищущею, разумомъ, испытующимъ внутренній смыслъ читаемаго, внемлетъ собранье; ибо чтенье Апостола служитъ какъ-бы ступенью и лѣствицей къ послѣдующему чтенью Евангелія. Когда чтецъ окончитъ чтенье, Іерей возглашаетъ ему изъ алтаря: *Миръ ти* (тебѣ)! Онъ отвѣтствуетъ: *И духови твоему!* Діаконъ снова возглашаетъ: *Премудрость!* Ликъ поющихъ гремитъ: *Аллилуія!* возвѣщающее приближенье Господа, идущаго говорить народу устами Евангелія.

Но прежде еще, съ кадильницей въ рукѣ, идетъ Діаконъ исполнить благоуханьемъ храмъ на-встрѣчу идущему Господу, напоминая кажденіемъ о духовномъ очищеніи душъ нашихъ, съ какимъ должны мы внимать благоуханнымъ

словамъ Евангелія. Священникъ въ алтарѣ молится тайною молитвой, чтобы возсіялъ въ сердцахъ нашихъ свѣтъ Богоразумія и отверзлись бы мысленныя очи наши въ уразумѣнье Евангельскихъ проповѣданій. О возсіяньи того же свѣта въ сердцахъ своихъ молится внутренно и собранье вѣрующихъ, приготовляясь къ слушанью. Испросивъ благословенія отъ Іерея и получивъ отъ него въ напутствіе: *Богъ, молитвами святаго, славнаго, всехвальнаго Апостола и Евангелиста* (именуется его имя), *да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующему силою многою, во исполненіе Евангелія возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа!* Діаконъ восходитъ на амвонъ, предшествуемый несомымъ свѣтильникомъ, знаменующимъ всепросвѣщающій Свѣтъ Христовъ, которому предшествовалъ *Свѣтильникъ Свѣта*, Предтеча Господень. Священникъ въ алтарѣ возглашаетъ къ со-

бранію: *Премудрость! прости, услышимъ святаго Евангелія! Миръ всѣмъ!* Ликъ отвѣтствуетъ: *И духови твоему!* Діаконъ начинаетъ чтенье.

Благоговѣйно преклонивъ главы и внимая Евангельскому чтенію съ амвона, какъ Самому Христу, говорящему съ горы блаженствъ, всѣ стараются принять сердцами сѣмя святаго слова, которое устами Служителя сѣетъ Самъ Сѣятель небесный, — не тѣми сердцами, которыя уподобляетъ Спаситель землѣ при пути, на которую хотя и упадаютъ сѣмена, но тутъ же бываютъ расхищены птицами — налетающими злыми помышленіями, — не тѣми также сердцами, которыя уподобляетъ Онъ каменистой почвѣ, только сверху прикрытой землею, которыя хотя и охотно пріемлютъ слово, но слово не водружаетъ глубоко корня, ибо нѣтъ глубины сердечной, — и не тѣми также сердцами, которыя уподобляетъ Онъ не-

очищенной землѣ, глушимой терніемъ, на которой, хотя и даетъ сѣмя всходы, но быстро выростающія тутъ же вмѣстѣ съ ними тернія — труды и заботы вѣка, безчисленныя обаянія свѣтской умерщвляющей жизни, съ ея обманчивыми удобствами, заглушаютъ едва поднявшіеся всходы, и сѣмя остается безъ плода, — но тѣми пріемлющими сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ доброй почвѣ, дающей плодъ, иной въ тридцать, иной въ шестьдесятъ, а иной во сто кратъ, которыя все принятое въ себя, по выходѣ изъ церкви, возращаютъ въ домахъ, въ семьѣ, въ службѣ, въ трудѣ, въ отдохновеньяхъ, въ бесѣдахъ и наединѣ съ самими собою. Всякъ вѣрный стремится быть тѣмъ и слушающимъ, и творящимъ вмѣстѣ, котораго Спаситель уподоблялъ мужу мудрому, строящему храмину не на пескѣ, но на камени, такъ что, если бы тутъ же, по выходѣ изъ церкви, набѣжали на него

дожди, рѣки и вихри всѣхъ бѣдствій, его духовная храмина осталась бы неподвижна, какъ твердыня на камнѣ.

По окончаніи чтенія, Священникъ изъ алтаря возвѣщаетъ Діакону: *Миръ ти, благовѣствующему!* Сподобившись слышанія св. Евангелія, всѣ предстоящіе, въ чувствованіи благодарности, восклицаютъ вмѣстѣ съ ликомъ: *Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!* Стоящій въ Царскихъ дверяхъ Священникъ пріемлетъ отъ Діакона Евангеліе и поставляетъ его на престолъ, какъ Слово, исшедшее отъ Бога и къ Нему же возвратившееся. Алтарь, изобразующій горнія селенія, скрывается отъ глазъ; врата Царскія затворяются, знаменуя, что нѣтъ другихъ дверей въ царство небесное, кромѣ отверзтыхъ Іисусомъ Христомъ, сказавшимъ: *Азъ есмь дверь.*

Тутъ обыкновенно, въ первоначальное время Христіанъ, было мѣсто проповѣди,—

слѣдовало изъясненіе и толкованіе прочитанныхъ Евангелій. Но такъ какъ проповѣдь въ нынѣшнее время говорится нерѣдко на другіе тексты и потому не всегда служитъ изъясненіемъ прочитаннаго Евангелія, то, чтобы не разрушать стройнаго порядка и связи священной Литургіи, проповѣдь отнесена къ концу.

Изобразуя Ангела, побудителя людей къ молитвѣ, Діаконъ идетъ на амвонъ подвигнуть собраніе къ моленіямъ еще сильнѣйшимъ и прилежнѣйшимъ: *Рцемъ вси отъ всея души, и отъ всего помышленія нашего рцемъ!* взываетъ Діаконъ, подъемля тремя перстами молитвенный орарь. Предстоящіе восклицаютъ: *Господи, помилуй!* Усугубляя моленія троекратнымъ воззваньемъ о помилованіи, Діаконъ призываетъ сызнова молиться о всѣхъ людяхъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ званій и должностей, начиная съ высшихъ, гдѣ труднѣе человѣку, гдѣ ему больше

претквовеній и гдѣ ему нужнѣе помощь отъ Бога. Каждый изъ собранія, зная, какъ много зависитъ благоденствіе многихъ отъ того, когда высшія власти исполняютъ честно свои обязанности, молится о нихъ съ особеннымъ усердіемъ, произнося уже не одинъ разъ: *Господи, помилуй!* по три раза. Вся цѣпь этихъ моленій называется сугубой эктеніей, или эктеніей прилежнаго моленья, и Священникъ въ алтарѣ передъ престоломъ молится прилежно о принятіи всеобщихъ усугубленныхъ моленій, и самая молитва его называется молитвой прилежнаго моленія.

И если въ этотъ день случится какое-либо приношенье объ усопшихъ, тогда, вслѣдъ за сугубой эктеніей, возглашается эктенія объ усопшихъ. Держа орарь тремя перстами руки, призываетъ Діаконъ молиться объ упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ, которыхъ называетъ по именамъ, чтобы Богъ простилъ имъ

всякое прегрѣшеніе вольное и невольное, чтобы водворилъ ихъ души тамъ, гдѣ праведные упокояются. Тутъ всякій изъ предстоящихъ припоминаетъ всѣхъ близкихъ своему сердцу усопшихъ и произноситъ въ себѣ три раза на всякое возрванье Діакона: *Господи, помилуй!* молясь прилежно и о своихъ, и о всѣхъ почившихъ Христіянахъ. *Милости Божіей,* восклицаетъ Діаконъ, *царства небеснаго и оставленія грѣховъ ихъ у Христа, безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ!* Собранье взываетъ съ хоромъ поющихъ: *Подай, Господи!* А Священникъ молится въ алтарѣ, чтобы поправшій смерть и даровавшій жизнь упокоилъ Самъ души усопшихъ рабовъ Своихъ въ мѣстѣ свѣтломъ, въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, откуда отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и, прося имъ отпущенія всѣхъ согрѣшеній, возглашаетъ, громко: *Яко Ты еси воскресеніе и животъ, и*

покой усопшихъ рабъ Твоихъ, Христе, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Утвердительнымъ *аминь* отвѣтствуетъ ликъ. Діаконъ начинаетъ эктенію объ оглашенныхъ.

Хотя и рѣдко бываютъ теперь непринявшіе святаго крещенія и находящіеся въ числѣ оглашенныхъ; но всякій присутствующій, помышляя, какъ далеко онъ отстоитъ и вѣрой, и дѣлами отъ вѣрныхъ, удостоивавшихся соприсутствовать трапезѣ любви въ первые вѣки Христіянъ, видя, какъ онъ, можно сказать, только огласился Христомъ, но не внесъ Его въ самую жизнь, только что слышитъ разумъ словъ Его, но не приводитъ ихъ въ исполненіе, и еще холодно его вѣрованье, и нѣтъ огня всепрощающей любви къ брату, поядающаго душевную черствость, —

соображая все сіе, всякій изъ присутствующихъ сокрушенно поставляетъ себя въ число оглашенныхъ и на призванье Діакона: *Помолитеся, оглашенніи, Господеви!* отъ глубины сокрушеннаго сердца взываетъ: *Господи, помилуй!*

Вѣрніи! взываетъ Діаконъ, *о оглашенныхъ помолимся, да Господь помилуетъ ихъ, огласитъ ихъ словомъ истины, откроетъ имъ Евангеліе правды, соединитъ ихъ Святѣй Своей, Соборнѣй и Апостольстѣй Церкви! Спаси, помилуй, заступи и сохрани ихъ, Боже, Твоею благодатію!* и вѣрные, сознавая, какъ мало достойны они названія вѣрныхъ, молясь объ оглашенныхъ, молятся о самихъ себѣ и на всякое отдѣльное призванье Діакона сокрушенно восклицаютъ, вслѣдъ за поющимъ ликомъ: *Господи, помилуй!* Діаконъ взываетъ: *Оглашенніи, главы ваша Господеви приклоните!* Всѣ преклоняютъ свои главы, восклицая внутренно въ серд-

цахъ, вмѣстѣ съ ликомъ поющихъ: *Тебѣ, Господи!*

Священникъ втайнѣ молится объ оглашенныхъ и о тѣхъ, которыхъ смиренье души поставило въ ряды оглашенныхъ. Молитва его въ сихъ словахъ: *Господи Боже нашъ, иже на высокихъ живый и на смиренныя призираяй, иже спасеніе роду человѣческому низпославый, единороднаго Сына Твоего и Бога, Господа нашего Іисуса Христа! призри на рабы Твоя оглашенныя, подклоншыя Тебѣ своя выя, и сподоби я во время благополучное бани пакибытія, оставленія грѣховъ и одежды нетлѣнія, соедини ихъ Святѣй Твоей, Соборборнѣй и Апостольстѣй Церкви, и сопричти ихъ избранному Твоему стаду,* (потомъ громко:) *да и тіи съ нами славятъ пречестное и великолѣпое имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Ликъ гремитъ: *Аминь.* Въ напоминанье, что наступила ми-

пута, въ которую древле выводились изъ церкви оглашенные, Діаконъ возглашаетъ громко: *Елицы* (кто только есть) *оглашеннiи, изыдите!* и вслѣдъ за тѣмъ, возвысивъ голосъ, возглашаетъ въ другой разъ: *Оглашеннiи, изыдите!* и потомъ въ третiй разъ: *Оглашеннiи, изыдите, да никто отъ оглашенныхъ, елицы* (только лишь) *вѣрнiи, паки и паки миромъ Господу помолимся!*

Отъ словъ этихъ содрогаются всѣ чувствующiе свое недостоинство. Взывая мысленно къ Самому Христу, изгнавшему изъ храма Божiя безчинныхъ продавцовъ и безстыдныхъ торгашей, обратившихъ въ торжище святыню Его, каждый предстоящiй старается изгнать изъ храма души своей плотскаго человѣка, оглашеннаго, неготоваго присутствовать при священнодѣйствiи и взываетъ къ Самому Христу, чтобы воздвигнулъ въ немъ потаеннаго сердца человѣка, вѣрнаго, причисленнаго къ избранному стаду, о которомъ сказалъ Апо-

столъ: *Языкъ святъ, люди обновленія, каменіе, зиждущееся въ храмъ духовенъ,* — причисленнаго къ тѣмъ истинно вѣрнымъ, которые присутствовали при Литургіи въ первые вѣка Христіянства, которыхъ лики глядятъ теперь на него съ иконостаса. Объемля ихъ всѣхъ взорами, призываетъ онъ ихъ на помощь, какъ братьевъ, молящихся теперь на небесахъ, да молитвами своими воздвигнутъ въ немъ истинно вѣрнаго, ибо предстоятъ священнѣйшія дѣйствія. Начинается Литургія Вѣрныхъ.

ЛИТУРГІЯ ВѢРНЫХЪ.

Въ закрытомъ алтарѣ Іерей распростираетъ на святомъ престолѣ святый антиминсъ (вмѣстопрестоліе), платъ съ изображеньемъ положенія Спасителя во гробъ. Антиминсъ хранитъ въ себѣ св. мощи, и на него-то должны быть поставлены пріуготовленные Іереемъ на Проскомидіи святый хлѣбъ и чаша съ виномъ, растворенным водою, которые съ бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно въ виду всѣхъ вѣрныхъ. Этотъ антиминсъ напоминаетъ времена гоненія Христіанъ, когда Церковь не имѣла постояннаго пребыванія и не могла переносить съ собою пре-

стола. Тогда стали употреблять сей платъ съ частицами мощей, и онъ остался какъ-бы въ возвѣщенье, что и нынѣ Церковь Христова не прикрѣпляется ни къ какому исключительно зданію, городу, или мѣсту, но, какъ корабль, носится поверхъ волнъ сего міра, не водружая нигдѣ своего якоря: ея якорь на небесахъ. Распростерши сей антиминсъ, Священнодѣйствующій приступаетъ къ престолу такъ, какъ-бы приступалъ къ нему въ первый разъ и какъ-бы только теперь готовился начинать настоящее служеніе; ибо въ первоначальное время Христіянъ престолъ, доселѣ остававшійся закрытымъ и занавѣшеннымъ, только теперь открывался, и только теперь начинались настоящія моленія вѣрныхъ. Еще въ закрытомъ алтарѣ припадаетъ Іерей къ престолу и двумя молитвами вѣрныхъ молится объ очищеніи своемъ, объ удостоеніи его неосужденно предстоять святому

жертвеннику и приносить жертвы въ чистомъ свидѣтельствѣ совѣсти.

А Діаконъ, стоя на амвонѣ, посреди церкви, держа орарь тремя перстами, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ тѣмъ же моленьямъ, какими начиналась Литургія Оглашенныхъ.

Стремясь привести сердца свои въ согласное настроеніе мира, теперь еще необходимѣйшее, всѣ вѣрные взываютъ: *Господи, помилуй!* и еще усильнѣе молятся о свышнемъ мирѣ и о спасеньи душъ, о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всѣхъ, о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, о томъ, чтобы избавиться отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, — взываютъ еще сильнѣе въ сердцахъ своихъ: *Господи, помилуй!* Діаконъ возглашаетъ: *Премудрость!* знаменуя симъ, что та же самая Премудрость, тотъ же

вѣчный Сынъ Божій, исходившій, подъ образомъ Евангелія, сѣять слово жизни, перенесется теперь, подъ видомъ святаго хлѣба на жертвоприношеніе за весь міръ. Воздвигнутые симъ напоминаніемъ, всѣ молящіеся устремляютъ мысли къ предстоящимъ вышнимъ священнодѣйствіямъ: а Іерей литургисающій молится у престола сею возвышенною молитвой:

Никтоже достоинъ отъ связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или приближитися, или служити Тебѣ, Царю славы; еже бо служити Тебѣ, велико и страшно и самѣмъ небеснымъ силамъ. Но обаче (такъ какъ), *неизреченнаго ради и безмѣрнаго Твоего человѣколюбія, непреложно и неизмѣнно былъ еси человѣкъ, и Архіерей намъ былъ еси, и служебныя сея и безкровныя жертвы священнодѣйствіе предалъ еси намъ, яко Владыка всѣхъ; Ты бо единъ, Господи Боже нашъ, владычествуеши небесны-*

ми и зезными, иже на престолѣ Херувимстѣ носимый, иже Серафимовъ Господь, и Царь Израилевъ, иже единъ Святъ, и во Святыхъ почиваяй: Тя убо молю единаго благаго и благопослушливаго! призри на мя, грѣшнаго и непотребнаго раба Твоего, и очисти мою душу и сердце отъ совѣсти лукавыя, и удовли мя, силою Святаго Твоею Духа, облеченна благодатію священства, предстати святѣй Твоей сей трапезѣ, и священнодѣйствовати святое и пречистое Твое тѣло, и честную кровь. Къ Тебѣ бо прихожду, приклонь мою выю, и молютися, да не отвратиши лица Твоего отъ мене, ниже отринеши мене отъ отрокъ Твоихъ; но сподоби принесеннымъ Тебѣ быти мною, грѣшнымъ и недостойнымъ рабомъ Твоимъ, дарòмъ симъ: Ты бо еси приносяй, и приносимый, и пріемляй, и раздаваемый, Христе Боже нашъ, и Тебѣ, славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ, и пресвятымъ и

благимъ, и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Царскія врата разверзаются предъ этою молитвою, и Іерей зрится молящимся съ воздѣтыми горѣ руками. Діаконъ, съ кадиломъ въ рукѣ, исходитъ уготовить путь Царю всѣхъ и обильно распространяемымъ куреніемъ, подъемля облака кадильныхъ благоуханій, посреди которыхъ перенесутся святые дары, напоминаетъ всѣмъ о томъ, чтобы исправилась ихъ молитва, яко кадило предъ Господомъ, чтобы всѣ, будучи, по слову Апостола, благоуханьемъ Христовымъ, вспомнили о томъ, что нужно имъ быть чистыми Херувимами для поднятія Господа. А лики на обоихъ клиросахъ, подъемлютъ, отъ лица всей Церкви, такъ называемую Херувимскую пѣснь:

Иже Херувимы тайно образующе (то есть, со мы, *которые* таинственно изображаемъ собою Херувимовъ), *и животворящей Трои-*

цы трисвятую пѣснь припѣвающе, всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе, яко да Царя всѣхъ подымемъ, Ангельскими невидимо дорѵносима чинми (то есть, невидимо *носимаго на копьяхъ* чинами Ангеловъ): *аллилуія, аллилуія, аллилуія* (то есть: *хвалите Господа! хвалите Господа!)* Это *аллилуія* и есть собственно Херувимская пѣснь, ибо Херувимы, по Священному Писанію, хвалятъ Господа симъ воскликновеніемъ.

Для поясненія этого пѣснопѣнія, надобно знать, что былъ у древнихъ Римлянъ обычай новоизбраннаго императора выносить къ народу, въ сопровожденіи легіоновъ войскъ на щитѣ, высоко поддерживаемомъ копьями, подъ осѣненіемъ множества наклоненныхъ надъ нимъ знаменъ и копій, при громкихъ кликахъ: *да здравствуетъ Императоръ!* и что священную пѣснь эту сложилъ одинъ изъ древнихъ императоровъ, повергшійся въ

прахъ со всѣмъ своимъ земнымъ величіемъ предъ величіемъ Царя всѣхъ, копьеносимаго Херувимами и легіонами небесныхъ Силъ.

Между тѣмъ Іерей и Діаконъ, повторяя внутренно въ себѣ ту же Херувимскую пѣснь, приступаютъ къ боковому жертвеннику, гдѣ совершалась Проскомидія. Приступивъ къ дарамъ, накрытымъ воздухомъ, Діаконъ говоритъ: *Возьми, Владыко!* Іерей снимаетъ воздухъ, возлагаетъ ему на лѣвое плечо и глаголетъ: *Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа!* Потомъ беретъ дискосъ съ Агнцемъ и возлагаетъ его на главу Діакону, а самъ беретъ святую чашу, и въ предшествіи свѣтильника, или лампады, выходятъ они сѣверною дверью къ народу. Если же служеніе совершается соборомъ, при множествѣ Іереевъ, то одинъ несетъ чашу, другой святый крестъ, третій святую лжицу, которою пріобщаются, четвертый копье,

словомъ — выносятъ почти всѣ принадлежности священнаго жертвоприношенія, даже самую губку, которою собирались крупицы святого хлѣба на дискосѣ и которая образуетъ ту губу, омоченную въ уксусъ и желчь, которою напоили люди Творца своего. Ликъ, предначавшій пѣніе Херувимской пѣсни, на время умолкаетъ, и вотъ, подобясь небеснымъ Силамъ, выступаетъ сей торжественный ходъ Священнослужителей, называемый великимъ ходомъ.

При видѣ Царя всѣхъ, несомаго въ смиренномъ видѣ Агнца, на дискосѣ лежащаго, какъ-бы на щитѣ, окруженнаго орудіями земныхъ страданій, какъ-бы копьями несчетныхъ воинствъ небесныхъ и чиноначалій, всѣ преклоняютъ свои главы и молятся словами разбойника на крестѣ: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* Посреди храма, останавливается весь ходъ. Церковь

пользуется сею великой минутой, чтобы помянуть передъ Господомъ имена всѣхъ Христіянъ, начиная съ тѣхъ, кому труднѣе и священнѣе достались обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ счастіе всѣхъ и собственное спасеніе душъ ихъ, и заключая словами: *Васъ и всѣхъ православныхъ Христіянъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Пѣвцы оканчиваютъ свое умилительное пѣніе (со словъ: *яко да Царя...*) троекратнымъ провозглашеніемъ Херувимскаго: *Аллилуія,* которымъ возвѣщается и сопровождается это таинственное шествіе Царя царствующихъ и Господа господствующихъ на вольное страданіе и смерть, за спасеніе міра. Ходъ вступаетъ въ Царскія врата. Впереди вшедшій въ алтарь Діаконъ, остановившись по правую сторону дверей, встрѣчаетъ Священника словами: *Да помянетъ Гос-*

подь Богъ священство твое во царствіи Своемъ! Священникъ отвѣтствуетъ ему: *Да помянетъ Господь Богъ священнодіаконство твое во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* и поставляетъ святую чашу и хлѣбъ, представляющій образъ тѣла Христова, на престолъ, какъ-бы на гробъ. Врата Царскія затворяются, какъ-бы двери гроба Господня; завѣса надъ ними задергивается, какъ кустодія, приставленная ко гробу. Іерей снимаетъ съ главы Діакона святый дискосъ, какъ-бы онъ снималъ тѣло Самого Спасителя со креста, поставляетъ его на разостланный антиминсъ, какъ-бы на плащаницу, и сопровождаетъ сіе дѣйствіе словами: *Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ и вонями, во гробѣ новѣ, покрывъ, положи.* И, вспоминая вездѣсущность Того, Кто теперь лежитъ передъ нимъ во гробѣ, говоритъ

въ себѣ: *Во гробѣ плотски, во адѣ же, съ душею, яко Богъ, въ раи же со разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй, неописанный!* И, вспоминая славу, въ которую облекся сей гробъ, говоритъ: *Яко живоносецъ, яко рая краснѣйшій, во истину и всякаго чертога царскаго явися свѣтлѣйшій, Христе, гробъ Твой, источникъ нашего воскресенія.* И, снявши покровы съ дискоса и съ чаши, и воздухъ съ плеча Діакона, изобразующіе теперь уже не пелены, въ которыя повитъ былъ Іисусъ-младенецъ, но сударь и гробовые покровы, въ которые повито было Его мертвое тѣло, покрываетъ онъ ими снова дискосъ и чашу, произнося: *Благообразный Іосифъ...* Потомъ, взявши отъ Діакона кадильницу, кадитъ святые дары и, готовясь къ предстоящему жертвоприношенью, произноситъ въ себѣ слова Пророка Давида: *Ублажи, Господи, благо-*

воленіемъ Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны Іерусалимскія. Тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемая; тогда возложатъ на олтарь Твой тельцы. Ибо, пока Самъ Богъ не воздвигнетъ, не оградитъ душъ нашихъ Іерусалимскими стѣнами отъ всякихъ плотскихъ вторженій, мы не въ силахъ вознести Ему ни жертвъ, ни всесожженій, и не подымется кверху пламень духовнаго моленья, разносимый посторонними помышленіями, набѣгомъ страстей и вьюгой возмущенья душевнаго. Молясь объ очищеньи своемъ для предстоящаго жертвоприношенія, отдавая кадильницу Діакону и преклонивъ главу, говоритъ ему Священникъ: *Помяни мя, брате и сослужителю! — Да помянетъ Господь Богъ священство твое во царствіи Своемъ!* отвѣтствуетъ Діаконъ и, въ свою очередь, помышляя о недостоинствѣ своемъ, преклоняетъ главу, и, держа орарь въ рукѣ,

говоритъ: *Помолися о мнѣ, Владыко святый!* Священникъ ему отвѣтствуетъ: *Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя! Той же Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего.* Полный сознанія своего недостоинства, Діаконъ присовокупляетъ: *Помяни мя, Владыко святый!* Священникъ ему: *Да помянетъ тя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Діаконъ, произнесши *аминь* и поцѣловавъ ему руку, исходитъ сѣверною дверью призвать всѣхъ предстоящихъ къ молитвамъ о перенесенныхъ святыхъ дарахъ.

Взошедъ на амвонъ лицомъ къ Царскимъ вратамъ, поднявъ орарь тремя перстами руки, въ подобье поднятаго крыла Ангела, побудителя къ молитвѣ, возноситъ Діаконъ цѣпь моленій, уже непохожихъ на прежнія. Начиная призваніемъ къ моленью о перенесенныхъ на престолъ дарахъ, онъ переходитъ къ

тѣмъ прошеніямъ, какія только одни вѣрные, живущіе во Христѣ, возносятъ къ Господу.

Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ! взываетъ Діаконъ.

И, молясь о такомъ днѣ, собранье молящихся, соединяясь съ хоромъ поющихъ, взываетъ отъ сердецъ: *Подай, Господи!*

Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ!

И, молясь объ Ангелѣ, всѣ восклицаютъ: *Подай, Господи!*

Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ!

Молясь слезно о прощеніи, всѣ восклицаютъ: *Подай, Господи!*

Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ!

И, молясь о всемъ добромъ и полезномъ для души и самомъ необходимомъ

для міра, сильнѣе восклицаютъ молящіе-ся: *Подай, Господи!*

Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ!

Молясь объ этомъ, какъ о самомъ желанномъ для Христіанина, собранье взываетъ: *Подай, Господи!*

Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны, и добраго отвѣта на страшнѣмъ судищи Христовѣ просимъ!

Сливаясь въ одинъ вопль, моленіе всего собранья взываетъ: *Подай, Господи!*

Возведя тѣлесные и душевные взоры къ ликамъ Святыхъ, Діаконъ возглашаетъ: *Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу, Богородицу и Присно-Дѣву Марію, со всѣми Святыми, помянувше, сами себе и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ!*

И, въ истинномъ желаніи, подобно Богоматери и Святымъ, предать самихъ себя

и другъ друга Христу Богу, всѣ восклицаютъ: *Тебѣ, Господи!*

Эктенія завершается возглашеньемъ: *Щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.*

Ликъ гремитъ: *Аминь.*

Алтарь все еще закрытъ. Священникъ все еще не приступаетъ къ жертвоприношенью. Еще много долженствующаго предшествовать ему. Священникъ собирается напомнить о Тайной Вечерѣ. Алтарь уже становится горницей, гдѣ она совершилась; святый престолъ трапезою; весь храмъ молящихся долженъ претворить себя въ учениковъ, которые на ней присутствовали. Изъ глубины алтаря посылаетъ Священникъ собранію привѣтствіе Самого Спасителя: *Миръ всѣмъ!* Ему отвѣтъ: *И духови твоему!* Стоя на амво-

нѣ, Діаконъ, какъ было у первыхъ Христіянъ, призываетъ всѣхъ ко взаимной любви словами: *Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы...* Призываніе Діакона продолжаетъ и оканчиваетъ ликъ поющихъ словами: *Отца и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.* Ибо, не полюбивши другъ друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная. Три раза поклоняется Священникъ въ алтарѣ, произнося въ себѣ тайно: *Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя, Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое!* и цѣлуетъ покрытые покровами святый дискосъ и святую чашу, цѣлуетъ край святой трапезы, и, сколько бы ни случилось Священниковъ, ему сослужащихъ, каждый дѣлаетъ то же, и потомъ всѣ цѣлуютъ другъ у друга руку. Старшій говоритъ: *Христосъ посредѣ насъ.* Ему отвѣтствуютъ: *И есть, и будетъ.* Діаконы также,

сколько бы ихъ ни случилось, цѣлуютъ каждый сначала свой орарь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ изображеніе креста, потомъ другъ друга въ плечо, произнося тѣ же слова.

Прежде всѣ предстоящіе въ церкви лобызали также другъ друга: мужи мужей и жены женъ, одни произнося: *Христосъ посредѣ насъ*, а другіе отвѣтствуя: *И есть, и будетъ.* А потому и теперь всякой предстоящій, собирая мысленно предъ собою всѣхъ Христіянъ, не только присутствующихъ во храмѣ, но и отсутствующихъ, не только близкихъ къ сердцу, но и далекихъ отъ сердца, спѣша примириться съ тѣми, противъ которыхъ питалъ ненависть, нелюбовь, неудовольствіе, всѣмъ имъ даетъ мысленно лобзаніе, говоря внутренно: *Христосъ посредѣ насъ*, и отвѣтствуя за нихъ: *И есть, и будетъ.* Ибо, безъ этого, онъ будетъ мертвъ для всѣхъ слѣдующихъ священно-

дѣйствій, по слову Самого Христа: *Остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой!* и по слову Апостола Христова: *Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть: ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, Его же не видѣ, како можетъ любити?*

Стоя на амвонѣ и держа орарь тремя перстами, Діаконъ произноситъ къ предстоящимъ предостерегательное возглашенье: *Двери! двери!* Древле обращалось оно къ привратникамъ, стоявшимъ у входа дверей, чтобы никто изъ неимѣвшихъ права присутствовать при Литургіи Вѣрныхъ, не вошелъ въ церковь; нынѣ же обращается оно къ самимъ предстоящимъ, чтобы берегли двери сердецъ своихъ, куда, гласомъ Церкви, призвана любовь, — такъ, чтобы въ это внутреннее святилище душевное не вторгся духъ

вражды, а двери устъ и ушей отверзли бы къ слушанью Сѵмвола Вѣры, въ знаменованье чего, и отдергивается засѣса надъ Царскими дверями, или горнія двери, отверзающіяся токмо тогда, когда слѣдуетъ устремить вниманье ума къ таинствамъ высшимъ. А Діаконъ призываетъ къ слушанію Сѵмвола Вѣры словами: *Премудростію вонмемъ!*

Пѣвцы твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, болѣе похожимъ на выговариваніе, возглашаютъ выразительно и громко: *Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имъ же вся быша. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, сшедшаго съ небесъ и*

воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго въ третій день, по писаніемъ. И возшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго Пророки. Во едину, святую, соборную, и Апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе, во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ: И жизни будущаго вѣка. Аминь.

Твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, водружая въ сердце всякое слово исповѣданія, поютъ пѣвцы сей Сумволъ, и твердо повторяетъ каждый, вслѣдъ за ними, слова его. Мужествуя сердцемъ и духомъ,

Іерей передъ святымъ престоломъ, долженствующимъ изображать святую трапезу Тайной Вечери, повторяетъ въ себѣ Сvмволъ Вѣры, и всѣ ему сослужащіе повторяютъ его въ самихъ себѣ, колебля святый воздухъ надъ святыми дарами.

И твердой стопой исходитъ Діаконъ и возглашаетъ: *Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносити,* то есть, станемъ какъ прилично человѣку предстать передъ Бога, съ трепетомъ, со страхомъ и, въ то же время, съ мужественнымъ дерзновеньемъ духа, славословящаго Бога, съ возстановившимся согласіемъ мира въ сердцахъ, безъ котораго нельзя вознестись къ Богу. И въ отвѣтъ на призывъ, вся Церковь, принося въ жертву хваленье устъ и умягченное состоянье сердецъ, повторяетъ, вслѣдъ за хоромъ пѣвцовъ: *Милость мира, жертву хваленія!*

Священникъ въ алтарѣ снимаетъ, между тѣмъ, воздухъ со святыхъ даровъ, цѣлуетъ его и кладетъ на сторону. А Діаконъ, взошедши въ алтарь и взявъ въ руки рипиду, или вѣяло, вѣетъ благоговѣйно надъ дарами. Приступая къ совершенію тайны Причащенія, Іерей посылаетъ изъ алтаря къ народу Апостольское привѣтствіе: *Благодать Господа нашего, Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами!* И отвѣтствуютъ ему на то всѣ: *И со духомъ твоимъ!* И алтарь, изображавшій вертепъ, или пещеру Рождества Христова, теперь уже горница, въ которой была уготована Вечеря. Престолъ, представлявшій гробъ, теперь уже трапеза, а не гробъ. Священникъ возглащаетъ: *Горѣ имѣимъ сердца!* И каждый изъ стоящихъ въ храмѣ, помышляя о томъ, что имѣетъ совершиться, что въ эту минуту Божественный Агнецъ идетъ за него за-

клаться, Божественная кровь Самого Господа готова пролиться въ чашу, въ его очищеніе, и всѣ небесныя Силы, соединясь съ Іереемъ, о немъ молятся, помышляя о томъ и стремясь сердцемъ отъ земли къ небу, отъ тмы къ свѣту, восклицаетъ, вслѣдъ за всѣми: *Имамы ко Господу!*

Напоминая о Спасителѣ, благодарившемъ Бога Отца предъ преломленіемъ хлѣба на Тайной Вечери, возглашаетъ Іерей: *Благодаримъ Господа!* Ликъ отвѣтствуетъ: *Достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ Единосущнѣй и нераздѣльнѣй!* А Священникъ молится втайнѣ: *Достойно и праведно Тя пѣти, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебѣ покланятися на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего! Ты бо еси Богъ неизреченнъ, недовѣдомъ, невидимъ, непостижимъ, присно сый, такожде сый, Ты*

и единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси, и отпадшія возставилъ еси паки и не отступилъ еси вся творя, дондеже на небо насъ возвелъ еси, и царство Твое даровалъ еси будущее. О сихъ всѣхъ благодаримъ Тя и единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго; о всѣхъ ихже вѣмы и ихже не вѣмы, явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніихъ, бывшихъ на насъ. Благодаримъ Тя и о службѣ сей, юже отъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, аще и предстоятъ Тебѣ тысящи Архангеловъ и тмы Ангеловъ, Херувимы и Серафимы шестикрылые, многоочитые, возвышающіися пернатіи (Громко): *побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще...* Ликъ продолжаетъ: *Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея!*

Тремя словами: *Святъ, святъ, святъ,* знаменуется Троичность Божества; еди-

нымъ же словомъ: *Господь Саваоѳъ* — Его единство.

Къ Серафимской пѣсни, раздающейся на небесахъ, присоединила Церковь пѣснь, несущуюся къ ней на-встрѣчу отъ земли,— ту пѣснь, которою встрѣтили Царя небеснаго на землѣ Еврейскіе отроки, когда совершалъ Онъ Свое шествіе въ Іерусалимъ на принесеніе Себя въ жертву: *Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!* Сею пѣснію встрѣчаетъ Его и теперь вся Церковь, невидимо грядущаго съ небесъ во храмъ, какъ въ таинственный Іерусалимъ, для принесенія Самого Себя въ жертву, въ предстоящемъ нынѣ таинствѣ. И потому каждый изъ предстоящихъ, подобно тому, какъ, изображая собою Херувимовъ, и соединясь съ небесными воинствами, возвѣщавшими о воплощеніи Христовомъ, воспѣвалъ Ему, подъемлемому Ангельскими чинами, Царю всѣхъ, Херувимскую пѣснь, да

воспоетъ Ему теперь, въ соединенiи съ пламенѣющими Серафимами, Серафимскую побѣдную пѣснь. Вознестись же всякъ на Серафимскую высоту можешь, если только захочешь, какъ сказалъ Златоустъ. Припомни только и собери въ памяти своей все прекраснѣйшее, что ни видалъ ты на земли и чѣмъ восхищался, и представь себѣ только то, что потому было оно прекраснѣйшее, что было нѣкое отраженiе великой небесной красоты, мелькнувшiй край одной только ризы Божiей, и вознесется душа твоя сама собой къ источнику и лону вѣчной красоты, и воспоетъ побѣдную пѣснь, повергаясь, вмѣстѣ съ Серафимами, предъ вѣчнымъ престоломъ Всевышняго.

Между тѣмъ, какъ во храмѣ раздается торжествующее сладкопѣнiе Серафимской пѣсни, Дiаконъ стоитъ въ алтарѣ предъ святыми дарами, съ которыхъ сняты уже воздухъ и покровы, и вѣетъ надъ ними

вѣяломъ, да не прикоснется ничто и не упадетъ въ святую чашу. А Священникъ молится тайно сею молитвою:

Съ сими блаженными Силами и мы, Владыко Человѣколюбче, вопіемъ и глаголемъ: Святъ еси и Пресвятъ, Ты и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Святъ еси и Пресвятъ, и великолѣпна слава твоя, Иже міръ Твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всякъ вѣруяй въ Него не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный, Иже пришедъ, и все еже о насъ смотрѣніе исполнивъ, въ нощь, въ нюже предаяшеся, паче же Самъ Себе предаяше за мірскій животъ, пріемъ хлѣбъ во святыя Своя и пречистыя, и непорочныя руки, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, преломивъ, даде святымъ Своимъ ученикомъ и Апостоломъ, рекъ... И за симъ возглашаетъ Іерей: *Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, во остав-*

леніе грѣховъ. Діаконъ сопровождаетъ сіи слова Іерея безмолвнымъ указаніемъ на святый хлѣбъ тремя перстами, держащими орарь. А ликъ возглашаетъ торжественно: *Аминь.* И, произнеся тихо Іерей: *Подобнѣ и чашу по Вечери, глаголя,* громко возглашаетъ сей глаголъ Самого Спасителя: *Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.* И такъ же Діаконъ сопровождаетъ возглашенье Іерея благоговѣйнымъ указаніемъ на святую чашу перстами, держащими орарь, и такъ же ликъ возглашаетъ: *Аминь.* Какъ глаголамъ Самого Спасителя, внемлетъ собранье симъ раздающимся изъ алтаря святымъ словамъ. Наступаетъ минута жертвоприношенія. Алтарь уже не горница, престолъ уже не трапеза: онъ жертвенникъ, онъ та Голгоѳа, на которой принесъ Себя въ жертву за насъ Сынъ Божій.

Священникъ молится такъ въ самомъ себѣ: *Поминающе убо спасительную сію заповѣдь, и вся яже о насъ бывшая: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сѣдѣніе, второе и славное паки пришествіе,* и громко возглашаетъ, вслѣдъ за симъ, слова: *Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся!*

Въ сію минуту, когда на клиросахъ возносится сіе умиляющее и тихое сладкопѣніе: *Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ,* въ алтарѣ происходитъ страшнѣйшее и таинственнѣйшее во всей Литургіи священнодѣйствіе, когда приносимое въ жертву Творцу становится дѣйствительно той самой жертвой, которую принесъ Искупитель на Голгоѳѣ за всѣхъ людей: хлѣбъ и вино, доселѣ бывшіе образами тѣла и крови, становятся самимъ тѣломъ и кровью Христа. Въ алта-

рѣ происходитъ троекратное призываніе Духа Святаго: *Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ Апостоломъ Твоимъ ниспославый, того, Благій, не отъими отъ насъ, но обнови насъ, молящихтися.* Вслѣдъ за первымъ призваньемъ, Діаконъ тихо возглашаетъ стихъ: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови въ утробѣ моей!* Вслѣдъ за вторымъ призваніемъ, читаетъ: *Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене!* Вслѣдъ же за третьимъ призваньемъ, Діаконъ преклоняетъ главу свою и, указуя ораремъ на святый хлѣбъ, не смѣя вымолвить и самого слова, говоритъ только изъ глубины души своей: *Благослови, Владыко, святый хлѣбъ.* Іерей знаменуетъ святый хлѣбъ съ молитвенными словами совершенія таинства Евхаристіи: Діаконъ произноситъ: *Аминь.* Благоговѣйно указуетъ Діаконъ ораремъ на святую чашу,

произнося: *Благослови, Владыко, святую чашу*. Благословляя ее, Іерей произноситъ также молитвенныя слова и чашѣ. Діаконъ возглашаетъ: *Аминь*. И, вновь указывая на чашу и на дискосъ вмѣстѣ, произноситъ, во глубинѣ себя самого, Діаконъ: *Благослови, Владыко, обоя*, — и благословляетъ обоя Священникъ, глаголя: *Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ*. Діаконъ троекратно возглашаетъ: *Аминь*. Пресуществленіе совершилось! То самое тѣло, въ которое облеклось Вѣчное Слово, бывъ на землѣ, тѣло Самого Владыки, лежитъ теперь закланное на алтарѣ, и совершилось закланіе глаголомъ, намѣсто меча. Да позабудетъ въ это время всякъ о Іереѣ: не Іерей, носящій видъ и имя подобное намъ, но Самъ Верховный, Вѣчный Архіерей совершилъ сіе закланіе, совершающій его вѣчно въ лицѣ Своихъ Іереевъ. На престолѣ лежитъ не образъ, не видъ тѣла, но то самое тѣло Господ-

пе, которое страдало на землѣ, терпѣло заушенія, было оплевано, распято, погребено, воскресло, вознеслось на небеса и сѣдитъ одесную Отца!

На колокольняхъ раздается звонъ, да возвѣстится повсюду страшная минута, чтобы, гдѣ ни услышалъ бы о томъ человѣкъ, находится ли онъ на ту пору путникомъ въ дорогѣ, обработываетъ ли землю полей своихъ, сидитъ ли въ дому своемъ, или занятъ дѣломъ въ иномъ мѣстѣ, томится ли даже въ тюремныхъ стѣнахъ, или на одрѣ тяжкой болѣзни, чтобы отвсюду могъ въ эту минуту вознести моленіе къ Господу о спасеніи своемъ и о томъ, да не въ судъ и во осужденіе будетъ страшное таинство сіе кому-либо изъ его братій.

Всѣ молящіеся во храмѣ повергаются, въ сію минуту, долу передъ Господомъ, и Священнослужители, повергнувшись ницъ передъ святымъ престоломъ, тво-

рятъ усердные поклоны. Каждый молящійся въ Церкви, въ эту великую минуту, возноситъ внутренній гласъ ко Господу, да помянетъ его во царствіи Своемъ. Діаконъ, подклонивъ главу Іерею, произноситъ: *Помяни мя, Владыко!* и отвѣтствуетъ ему Іерей: *Да помянетъ тя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Сказавъ *аминь,* Діаконъ становится съ правой стороны престола, вѣя вѣломъ, въ подобіе Серафимскихъ крылъ, надъ Святыми дарами. Священникъ же, помолившись втайнѣ, дабы всѣмъ предстоящее тѣло и кровь Христа были во трезвѣніе души, въ оставленіе грѣховъ, во исполненіе Царства небеснаго, въ дерзновеніе ко Господу, а не въ судъ и осужденіе, приступаетъ къ поминанью всѣхъ предъ Господомъ, въ виду самого тѣла и самой крови Его, и собираетъ передъ Христомъ всю Церковь Его, и

ту, которая еще на землѣ воинствуетъ, и въ небесахъ пребывающую, поминая всѣхъ, отъ Ветхозавѣтныхъ Патріарховъ и Пророковъ до единаго изъ нынѣ живущихъ Христіянъ. Прежде всѣхъ другихъ, и особенно *(изрядно)* именуетъ онъ Пресвятую Богородицу, и, въ отвѣтъ на то, воспѣваетъ, въ честь Ея, весь ликъ славословіе, которое повторяетъ за нимъ вся Церковь: *Достойно есть, яко во истинну блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего, честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую, безъ сравненія, Серафимъ, безъ истлѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ!*

Вслѣдъ за тѣмъ поминаетъ Іерей, въ виду тѣла и крови Господней, Іоанна Предтечу, Апостоловъ, Святого, котораго память совершается въ тотъ день, и всѣхъ Святыхъ, и молится о всѣхъ усоп-

шихъ, въ надеждѣ воскресенія жизни вѣчныя.

Вслѣдъ за тѣмъ, поминаетъ Іерей о всѣхъ живущихъ, начиная съ тѣхъ, которые поставлены во главы прочимъ, которыхъ призваніе высшее и обязанности труднѣйшія, и отвѣтственность страшнѣе. Молится, въ виду тѣла и крови Господней, о Государѣ и, помышляя о всей святости такого званія и о всей трудности Его служенія, усердно молитъ Бога, да укрѣпитъ его святой силою Своею, да ниспровергнетъ все, что ни станетъ ему препятствіемъ на пути ко благому, да покоритъ ему подъ ноги всякаго врага и супостата. И молится Іерей, да, въ союзномъ стремленіи ко благу, отвѣтствуетъ ему весь государственный корабль, всѣ части великаго строенія: палата, власти и воинство, исполняя честно, твердо, святой долгъ свой, чтобы мирно было такое царствованіе, *да и мы въ ти-*

шинь ихъ тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Во время сего безмолвнаго моленія въ алтарѣ, да помолится всякъ изъ предстоящихъ о томъ же, и да помолится крѣпко и слезно, какъ-бы молился онъ о собственномъ дѣлѣ и о собственной душѣ, дороже которой нѣтъ ничего для человѣка. А Священникъ продолжаетъ моленія. Такъ же усердно молится онъ о сохраненіи тѣхъ, которые облечены въ высокій духовный санъ, освящены на управленіе кормиломъ Церкви и долженствуютъ править словомъ самой Истины Божіей. Помышляя, какъ святъ ихъ долгъ и страшенъ отвѣтъ, Іерей не инако, какъ въ душевномъ сокрушеніи, возноситъ къ Богу сіи слова: *Даруй ихъ святымъ Твоимъ Церквамъ, въ мирѣ цѣлыхъ, честныхъ, здравыхъ, долгоденствующихъ, право правящихъ слово Твоея истины!* И молятъ всѣ предстоящіе, да

будутъ они такими, да правятъ право слово истины и да возвѣщается единъ Богъ въ ихъ правленіи. За тѣмъ возглашаютъ торжественно пѣвцы: *И всѣхъ и вся,* и молится Священникъ за всѣхъ и за вся, начиная съ того града и съ того храма, въ которомъ молятся предстоящіе, и объемля молитвой своей всякій городъ, всякую страну, и всѣхъ вѣрою живущихъ въ нихъ, плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ, молясь въ то же время о спасеніи ихъ; молится о плодоносящихъ и добротворящихъ, во святыхъ Церквахъ, и о поминающихъ убогія; молится (въ Литургіи Василія Великаго), вообще о всѣхъ людяхъ, въ какомъ бы состояніи и гдѣ бы они ни находились, о добродѣющихъ, чтобы они еще болѣе утвердились въ добрѣ, о злотворящихъ, чтобы они перестали творить злое и, принести искреннее покаяніе, всѣмъ серд-

цемъ обратились къ добру; молится поименно и за всѣхъ тѣхъ, за которыхъ просили его, особенно, въ тотъ день помолиться; молится, наконецъ, и за тѣхъ, которыхъ позабыла его молитва.

И безмолвнымъ моленіемъ, соединяясь съ моленіемъ втайнѣ своего пастыря, молится весь народъ о всѣхъ и за вся, присоединяя, каждый отъ себя, въ эту минуту всѣхъ, поименно, имъ знаемыхъ: не только тѣхъ, которые его любятъ, но и тѣхъ, которые его не любятъ, — о всѣхъ вообще. И когда совершится, наконецъ, это глубокое безмолвное моленіе всѣхъ и о всѣхъ, и хоръ поющихъ возгласитъ: *И всѣхъ и вся*, тогда громко возглашаетъ Іерей: *И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпое имя Твое, Отца и Сына, и Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.*

И, жаждая сердцами сего соединенія, утвердительнымъ *аминь* отвѣтствуетъ вся Церковь, и вся она въ эту минуту есть одно, нераздѣльное единство. *Аминь* произноситъ каждый въ сердцѣ, знающій, что, какъ едина Церковь на небеси и на земли, едина вѣра и едино крещеніе, такъ же точно и намъ, совокупившимся союзомъ любви, должно быть согласнымъ, какъ братьямъ, во храмѣ, какъ едино тѣло и единъ духъ; и какъ въ единомъ духѣ въ едино тѣло крестились, такъ единымъ духомъ слѣдуетъ и питаться намъ. Священникъ изъ алтаря посылаетъ всѣмъ благодатное желаніе: *И да будутъ милости великаго Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, со всѣми вами!* Ему отвѣтствуютъ: *И со духомъ твоимъ!* И симъ оканчиваются святыя моленія о всѣхъ, составляющихъ Церковь Христову, совершаемыя передъ лицемъ самого тѣла Его и самой Его крови.

Діаконъ восходитъ на амвонъ воздвигнуть моленія о самыхъ дарахъ, уже принесенныхъ Богу и пресуществленныхъ, да не въ судъ и въ осужденіе обратятся. Подъявъ орарь тремя перстами десной руки своей, такъ восперяетъ онъ всѣхъ къ молитвѣ: *Вся святыя помянувше, паки и паки миромъ Господу помолимся!* И воспѣваетъ ликъ: *Господи, помилуй!—О принесенныхъ и освященныхъ честныхъ дарѣхъ, Господу помолимся!* И воспѣваетъ ликъ: *Господи, помилуй! — Яко да человѣколюбецъ Богъ нашъ,* взываетъ Діаконъ, *пріявъ ихъ во святый, пренебесный и мысленный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, вознисполетъ намъ божественную благодать и даръ Святаго Духа, помолимся!* И воспѣваетъ ликъ: *Господи, помилуй! — О избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды, Господу помолимся!* И воспѣваетъ ликъ: *Господи, помилуй! — Заступи, спаси, по-*

милуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію! И взываетъ ликъ: *Господи, помилуй!—Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ!* И воспѣваетъ ликъ: *Подай, Господи!—Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ у Господа просимъ!* И воспѣваетъ ликъ: *Подай, Господи!* — *Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ!* И воспѣваетъ ликъ: *Подай, Господи!* — *Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ.* И воспѣваетъ ликъ: *Подай, Господи!* — *Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ!* И восклицаетъ ликъ: *Подай, Господи!* — *Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны, мирны, и добраго отвѣта на страшнѣмъ судищи Христовѣ просимъ!* И воспѣваетъ ликъ: *Подай, Господи!* И произноситъ Діаконъ, уже не призывая въ

помощь Святыхъ, но обращая всѣхъ прямо ко Господу: *Соединеніе Вѣры и причастіе Святаго Духа испросивше, сами себе и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ!* И воспѣваютъ всѣ, въ полной и совершенной преданности: *Тебѣ, Господи!* Священникъ же, намѣсто троичнаго славословія, возглашаетъ: *И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ неосужденно смѣти призывати Тебе, небеснаго Бога Отца, и глаголати...* И всѣ вѣрные въ эту минуту, не какъ рабы, исполненные страха, но какъ дѣти, какъ чистые младенцы, должны быть доведены самими моленіями, всею службою и постепеннымъ ходомъ ея святыхъ обрядовъ до того небесно-умиленнаго Ангельскаго состоянія души, въ которомъ можетъ прямо говорить человѣкъ съ Богомъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ отцомъ, и такъ произнести сію молитву Господню: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да свя-*

тится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли! Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго!

Все обняла собою сія молитва, и въ ней все заключилось, что намъ нужно. Прошеньемъ: *да святится имя Твое!* просится первое, о чемъ, прежде всего, мы должны просить: гдѣ святится Божье имя, тамъ всѣмъ хорошо, тамъ, значитъ, всѣ въ любви живутъ, ибо любовью только святится имя Божіе. — Словами: *да пріидетъ царствіе Твое!* призывается царство правды на землю; ибо безъ прихода Божія не быть правдѣ, ибо Богъ есть правда. — Къ словамъ: *да будетъ воля Твоя!* приводятъ человѣка и вѣра, и разумъ. Чья же воля можетъ быть прекраснѣе и святѣе Божіей воли? Кто же лучше Самого

Творца знаетъ, что̀ нужно Его творенію? Кому же ввѣриться, какъ не Тому, Который весь есть благотворящее Благо и совершенство?—Словами: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!* просимъ мы всего, что̀ нужно для дневного существованія нашего, какъ духовного, такъ и тѣлеснаго. Хлѣбъ же нашъ духовный есть Божія Премудрость, есть Самъ Христосъ. Онъ Самъ сказалъ: *Азъ есмь хлѣбъ, сшедый съ небесе; ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки.* — Словами: *остави намъ долги наша!* мы просимъ о снятіи съ насъ всѣхъ грѣховъ нашихъ, на насъ тяготѣющихъ, просимъ прощенія намъ всего того, чѣмъ задолжали мы Самому, въ лицѣ братій нашихъ, Творцу, Который ежедневно и ежеминутно, въ образѣ ихъ, простираетъ намъ руку Свою, умоляя о милости и милосердіи.—Словами: *не введи насъ во искушеніе!* мы просимъ о избавленіи насъ отъ всего смущающаго духъ

нашъ и отъемлющаго у насъ душевное спокойствіе. — Словами: *но избави насъ отъ лукаваго!* мы просимъ о небесной радости; ибо, какъ только отступаетъ отъ насъ лукавый, радость уже вдругъ входитъ въ нашу душу, и мы уже на землѣ, какъ на небесахъ.

Такъ все заключаетъ въ себѣ и все объемлетъ собою сія молитва, которою молиться научила насъ сама Премудрость Божія, и кому же молиться? Молиться Отцу премудрости! Такъ какъ всѣ предстоящіе должны повторять въ себѣ молитву сію не только устами, но и внутренними воздыханіями самой чистой невинности младенческаго сердца, то и самое пѣнье ея на ликахъ должно быть младенческое. Не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенчески-чистыми, но звуками кроткими, какъ-бы лобзающими самую душу, должна воспѣваться сія молитва, да весеннее ды-

ханіе самихъ небесъ въ ней слышится, да лобзаніе самихъ Ангеловъ въ ней носится; ибо въ молитвѣ сей уже не называемъ мы Творца своего Богомъ, а говоримъ Ему: *Отче нашъ!*

Іерей, по окончаніи молитвы, привѣтствуетъ всѣхъ изъ глубины алтаря, какъ-бы привѣтствіемъ Спасителя: *Миръ всѣмъ!* Ему отвѣтствуютъ: *И духови твоему!* Словами же: *Главы ваша Господеви приклоните!* Діаконъ напоминаетъ о сердечномъ, внутреннемъ исповѣданіи, которое долженъ всякій совершить внутри самого себя. Въ это время Іерей молится у престола за всѣхъ: *Благодаримъ Тя, Царю невидимый, Иже неисчетною Твоею силою вся содѣтельствовалъ еси и множествомъ милости Твоея отъ небытія въ бытіе вся привелъ еси, Самъ, Владыко, съ небесе призри на подклоншія Тебѣ своя главы, не бо подклониша плоти и крови, но Тебѣ, страшному Богу. Ты убо, Вла-*

дыко, предлежащая всѣмъ намъ во благое изравняй по коегождо своей потребѣ: плавающимъ сплавай, путешествующимъ спутешествуй, недугующія исцѣли, Врачу душъ и тѣлесъ! И громко возглашаетъ, вслѣдъ за тѣмъ, великолѣпное Троичное славословіе, обращенное къ небесной милости Божіей: *Благодатію и щедротами, и человѣколюбіемъ единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Ликъ возглашаетъ: *Аминь*, а Священникъ, пріуготовляясь къ пріобщенію себя самого, а потомъ всѣхъ, тѣла и крови Христовой, молится тайною молитвою: *Вонми, Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего и отъ престола славы царствія Твоего, и пріиди во еже освятити насъ, Иже горѣ со Отцемъ сѣдяй и здѣ намъ невидимо спребывай, и сподоби державною Твоею рукою препо-*

дати намъ (Священникамъ) *пречистое тѣло Твое и честную кровь Твою, и нами всѣмъ Твоимъ людямъ!*

Здѣсь Діаконъ, — который еще во время пѣнія: *Отче нашъ*, стоя на амвонѣ передъ Царскими вратами, опоясалъ себя ораремъ, сложивъ его крестовидно на себѣ, въ подобіе Ангеловъ, крестовидно складывающихъ на себѣ крылья и закрывающихъ ими лица свои передъ неприступнымъ свѣтомъ Божества, — поклоняясь три раза, такъ же какъ и Священникъ, произноситъ три раза въ себѣ: *Боже, очисти мя, грѣшнаго, и помилуй мя!* и за тѣмъ, словомъ *вонмемъ* громко призываетъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію. Алтарь скрывается отъ глазъ народа. Завѣса задергивается, да совершится прежде пріобщеніе самихъ Іереевъ. Изъ глубины алтаря исходитъ гласъ Іерея, подъемлющаго святый Агнецъ: *Святая Святымъ!* Вся Церковь вѣрныхъ

содрогается отъ словъ, возвѣщающихъ, что нужно быть святымъ, дабы принять въ себя святыню, и отвѣтствуетъ ему: *Единъ Святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, въ славу Бога Отца, аминь.* Діаконъ уходитъ въ алтарь для пріобщенія. Воспѣвается, вслѣдъ за тѣмъ, такъ называемый *причастенъ*, — стихъ, избранный изъ псалмовъ и усвоенный дню.

Священникъ раздробляетъ теперь святый Агнецъ, сначала, по знаку, начертанному на Проскомидіи, крестообразно на четыре части съ благоговѣніемъ произнося: *Раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и не раздѣляемый, всегда ядомый и николи же иждиваемый, но причащающіяся освящаяй*, и первую изъ сихъ частей погружаетъ въ чашу, исполненную пречистою кровію; вторую отлагаетъ для пріобщенія себя и Діакона, въ видѣ несоединенномъ еще съ кровію; дробитъ потомъ остальныя части, по числу

пріобщающихся, но не дробится въ семъ дробленіи самое тѣло Христово, и въ малѣйшей частицѣ сохраняется тотъ же всецѣлый Христосъ, какъ въ каждомъ членѣ нашего тѣла присутствуетъ та же человѣческая душа, не частью себя, но нераздѣльная и всецѣлая: какъ въ зеркалѣ, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусковъ, сохраняется отраженіе тѣхъ же предметовъ, даже въ самомъ малѣйшемъ кусочкѣ; какъ въ звукѣ, насъ огласившемъ, сохраняется то же единство его и остается онъ тотъ же самый, единый, всецѣлый звукъ, хотя и тысячи ушей его слышали. Всѣ тѣ частицы, которыя были вынуты на Проскомидіи, во имя Святыхъ, въ память усопшихъ и въ поминовеніе живущихъ, не погружаются теперь въ чашу, но остаются, до времени, еще на дискосѣ: только частями, составляющими тѣло и кровь Господню, пріобщается Церковь. Въ первоначальныя

времена Церкви причащались ими въ видѣ несоединенномъ, какъ нынѣ пріобщаются у насъ одни Священнослужители, и каждый, пріемля въ руки пречистое тѣло Господа, испивалъ, потомъ, изъ чаши пречистую кровь. Но когда невѣжественные новообращенные Христіяне, ставшіе только по имени Христіянами, начали уносить святые дары въ домы свои, употребляя ихъ для суевѣрія и колдовства, или же безчинно обращались съ ними тутъ же во храмѣ, толкая другъ друга, производя шумъ и смятеніе; тогда Святый Іоаннъ Златоустъ установилъ преподавать народу кровь и тѣло не порознь, но въ соединенномъ видѣ, и не давать ему ни того, ни другаго въ собственныя руки, но преподавать святою лжицею, служащею какъ-бы образомъ тѣхъ клещей, которыми огненный Серафимъ прикоснулся устамъ пророка Исаіи, — дабы

напомнить всѣмъ, какого рода то прикосновеніе къ устамъ ихъ.

Пріобщивъ вначалѣ себя, потомъ Діакона, Служитель Христовъ предстоитъ новымъ человѣкомъ, какъ очищенный святынею пріобщенія отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній, какъ святый истинно въ эту минуту и какъ достойный пріобщать другихъ. Врата Царскія отверзаются, возвѣщая отверстіемъ своимъ отверстіе самого царствія Небеснаго, которое доставилъ Христосъ всѣмъ принесеніемъ Самого Себя въ Спасительную снѣдь всему міру. Діаконъ возноситъ торжественный гласъ: *Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!* Въ видѣ святой чаши, износимой Діакономъ въ сопровожденіи сихъ словъ, изобразуется явленіе Христа воскресшаго и исходъ Его къ народу, дабы возвести ихъ всѣхъ съ Собою въ домъ Отца Своего. И всѣмъ предстоитъ преображенный Серафимъ, съ святой чашей

въ рукахъ, Iерей, во святыхъ вратахъ стоящій. Громомъ торжественнаго пѣснопѣнія гремитъ весь ликъ въ отвѣтъ Діакону: *Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ!* и громомъ пѣснопѣнья духовнаго, исходящаго изъ глубины возрастающаго духа, совоспѣваетъ ему вся Церковь.

Горя желаніемъ Бога, сгарая пламенемъ святой любви къ Нему, сложивъ руки крестомъ на груди своей, одинъ за другимъ, подступаютъ къ нему причастники, и, преклоня главу, повторяетъ всякъ въ себѣ сіе исповѣданіе вѣры въ Распятаго:

Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе есть самое пречистое тѣло Твое и сія самая есть честная кровь Твоя. Молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости

ми прегрѣшенія моя, вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинъ, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. И, остановившись на одно мгновеніе, дабы объять мыслію значеніе того, къ чему приступаетъ, продолжаетъ глубиной сердца своего повторять послѣдующія слова:

Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда; но, яко разбойникъ, исповѣдую Тя: помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ! И, совершивъ одинъ мигъ благоговѣйнаго молчанія въ себѣ, продолжаетъ: *Да не въ судъ, или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во изцѣленіе души и тѣла!*

И, прочитавъ сіе исповѣданіе, уже не

такъ какъ къ Іерею, но какъ къ самому огненному Серафиму, приступаетъ каждый, готовяся раскрытыми устами принять съ святыя лжицы тотъ огнепальный угль святаго тѣла и крови Господа, который долженствуетъ въ немъ попалить, какъ терніе, всѣ прегрѣшенія его. И когда, подъявъ святую лжицу надъ устами его и возгласивъ имя его, произнесетъ Іерей: *Причащается рабъ Божій честнаго и святаго тѣла и крове Господа, Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную*, пріемлетъ онъ и тѣло, и кровь Господа. Святымъ воздухомъ осушаются уста его, при повтореніи Серафимскихъ словъ пророку Исаіѣ: *Се прикоснуся устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ*. Христосъ сошелъ Своею плотію, какъ во гробъ, къ нему въ утробу, да проникнувъ потомъ въ тайнохранилище сердца, воскреснетъ въ духѣ

его, совершая въ немъ самомъ и погребеніе, и воскресеніе Свое. Сіяя свѣтомъ сего духовнаго воскресенія, Церковь устами своихъ Священнослужителей повторяетъ сіи ликующія пѣсни:

Воскреніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному, Кресту Твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Пріидите, вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши.

Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме! слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне! ты же, чистая, красуйся, Богородице, о востаніи рождества Твоего! О пасха велія и свя-

щеннѣйшая, Христе! о мудросте и слове Божій, и сило! подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего.

Священникъ, поставивъ дары на престолѣ и вновь накрывъ ихъ покровами, произноситъ благодарственную молитву Благодѣтелю душъ, Господу, за удостоеніе пріобщиться небесныхъ и безсмертныхъ Его таинствъ и заключаетъ ее прошеніемъ, да исправитъ путь нашъ, утвердитъ насъ всѣхъ въ священномъ страхѣ къ Нему, соблюдетъ житіе наше и содѣлаетъ твердыми стопы наши.

Обратясь къ предстоящимъ, Священникъ благословляетъ ихъ словами: *Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое!* ибо предполагаетъ, что всѣ по чистотѣ въ эту минуту обратились въ собственное достояніе Божіе. Потомъ устремляется мыслію къ вознесенію Господню, которымъ завершалось

Его пребыванье на землѣ. Вмѣстѣ съ Діакономъ, становится передъ святымъ престоломъ и покланяясь кадитъ онъ въ послѣдній разъ, и кадя произноситъ въ себѣ: *Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя!* Между тѣмъ, какъ ликъ восторгающимъ пѣснопѣніемъ и звуками, взыграющими весельемъ духовнымъ, стремитъ просвѣтленныя души всѣхъ предстоящихъ къ произнесенію, вслѣдъ за нимъ, сихъ словъ самой радости духовной: *Видѣхомъ свѣтъ истины, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльнѣй Троицѣ покланяемся: та бо насъ спасла есть.*

Діаконъ показывается въ святыхъ дверяхъ съ святымъ дискосомъ на главѣ, не произнося ни одного слова. Вслѣдъ за Діакономъ, показывается въ святыхъ дверяхъ Іерей съ святою чашею, знаменуя вознесеніе Господне и возвѣщая пребываніе съ нами до скончанія вѣковъ

вознесшагося Господа словами: *Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.* Послѣ чего и чаша, и дискосъ относятся вновь на боковой жертвенникъ, на которомъ совершалась Проскомидія, который изобразуетъ теперь уже не вертепъ — мѣсто рожденія Христова, но то верховное мѣсто славы, куда вознесся Сынъ Божій, по совершеніи спасенія рода человѣческаго.

Здѣсь вся Церковь, предводимая поющимъ ликомъ, соединяетъ свою молитву въ одно торжественно-благодарное пѣніе, и сіи суть слова ея восхваленія: *Да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою, яко сподобилъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ, Божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ тайнамъ, соблюди насъ во Твоей святыни весь день поучатися правдѣ Твоей!* И воспѣваетъ троекратно, вслѣдъ за тѣмъ, хоръ пѣвцовъ: *Алли-*

луія! говорящее о непрестающемъ хожденіи и всюду пребываніи Божіемъ. Діаконъ же восходитъ на амвонъ воздвигнуть, въ послѣдній разъ, предстоящихъ къ моленіямъ благодарственнымъ. Подъявъ орарь тремя перстами руки своей, говоритъ онъ: *Прости, пріимше Божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ, небесныхъ и животворящихъ страшныхъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаримъ Господа!* И, благодаря сердцами, воспѣваютъ всѣ тихо: *Господи, помилуй! — Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!* взываетъ въ послѣдній разъ Діаконъ. И воспѣваютъ всѣ: *Господи, помилуй! — День весь совершенъ, святъ, миренъ и безгрѣшенъ испросивше, сами себе и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ!* И съ покорностію кроткаго младенца, въ сыновней довѣренности къ Богу, всѣ восклицаютъ: *Тебѣ, Господи!* А Священ-

никъ, сложивши въ это время антиминсъ и ознаменовавъ его крестообразно Евангеліемъ, возглашаетъ Троичное славословіе, которое, озаряя доселѣ, подобно всеозаряющему маяку, весь путь Богослуженія, и теперь вспыхиваетъ еще сильнѣйшимъ свѣтомъ въ просвѣтившихся душахъ, и такое на сей разъ обращенье Троичнаго славословія: *Яко Ты еси освященіе наше, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!*

Церковь повелѣваетъ о всѣхъ возносить всеобщую молитву. Высокое значеніе такой молитвы и ея строгую надобность узнаемъ не мудрецами міра и не совопросниками вѣка, но тѣми верховными людьми, которые высокимъ духовнымъ совершенствомъ и небесно-Ангельскою жизнью дошли до познанія глубочайшихъ духовныхъ тайнъ и видѣли уже ясно, что разлуки нѣтъ между живущи-

ми въ Богѣ, что тлѣнностію нашего тѣла не прекращаются сношенія, что любовь приходитъ въ бóльшую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви, и все, чтó ни истекаетъ отъ Христа, вѣчно, какъ вѣченъ Самъ источникъ, изъ котораго оно истекаетъ. Слышали также они высшими органами чувствъ своихъ, что и на небесахъ торжествующая Церковь молится также о странствующихъ на землѣ братьяхъ своихъ. Слышали они, что Богъ предоставилъ ей лучшее изъ блаженствъ — блаженство молитвы; ибо ничего не совершаетъ Богъ и ничему не благодѣтельствуетъ, не дѣлая участникомъ въ самомъ совершеніи и въ самомъ благодѣяніи Своемъ, Свое твореніе, да насладится оно высокимъ блаженствомъ благотворенія. Несетъ Ангелъ Его повелѣніе, и блаженствуетъ уже оттого, что не-

сетъ Его повелѣніе; пѣснословитъ Серафимъ Его безпредѣльную красоту, и блаженствуетъ оттого, что пѣснословитъ; молится на небесахъ Святой о братьяхъ своихъ на землѣ, и блаженствуетъ уже оттого, что молится. И все участвуетъ съ Богомъ во всѣхъ высочайшихъ Его блаженствахъ. Милліоны совершеннѣйшихъ твореній исходятъ изъ рукъ Божіихъ, дабы участвовать въ высшихъ и высшихъ блаженствахъ, и нѣтъ имъ конца, какъ нѣтъ конца Божіимъ блаженствамъ.

Іерей выноситъ народу тѣ просфоры, отъ которыхъ были отдѣлены и изъяты частицы, и симъ сохраняетъ высокій древній образъ трапезы любви, исполнявшійся Христіянами первыхъ временъ. А потому всякъ, пріемлющій просфору, да пріемлетъ ее, какъ хлѣбъ отъ того пиршества, за которымъ Самъ Домостроитель міра бесѣдовалъ съ людьми своими, и да

вкушаетъ благоговѣйно, представляя себя окруженнаго всѣми людьми, какъ нѣжнѣйшими братьями своими. И такъ же, какъ было въ обычаѣ первоначальной Церкви, вкушаютъ его прежде всякой другой пищи, или относятъ въ домъ свой домашнимъ, или же отправляютъ больнымъ, неимущимъ и тѣмъ, которые почему-нибудь не могли быть на то время въ Церкви.

Раздавъ святый хлѣбъ, Священникъ благословляетъ весь народъ и творитъ отпускъ Литургіи словами: *Христосъ, истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя Своея Матери, иже во святыхъ Отца нашего Іоанна, Архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго* (если совершалась въ тотъ день Литургія Злалоуста, а если Святаго Василія Великаго, то поминаетъ его), *Святаго* (называетъ по имени Святаго, егоже день), *Святыхъ и праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, и всѣхъ свя-*

тыхъ, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ. Народъ, назнаменуясь крестомъ и покланяясь, расходится, при громкомъ пѣніи лика, многолѣтствующаго Августѣйшій Домъ царствующаго Императора, Святѣйшій Сѵнодъ и всѣхъ православныхъ Христіянъ.

Священникъ въ алтарѣ совлекается отъ одѣяній своихъ, произнося: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего,* и сопровождая разоблаченіе хвалебными тропарями Отцу и Святителю Церкви, котораго служилась Литургія, и заключая хвалебными молитвами къ Пречистой, Пресвятой Дѣвѣ. Діаконъ въ это время потребляетъ все остававшееся въ чашѣ и потомъ, наливъ въ нее вина и воды, и омывъ внутреннія стѣны ея, испиваетъ, и, осушивъ тщательно губкой, дабы ничто не оставалось, слагаетъ святые сосуды вмѣстѣ, покрывъ и обвязавъ ихъ, и, подобно Священнику, говоритъ: *Нынѣ отпущаеши раба*

Твоего, и повторяетъ тѣ же пѣсни и молитвы. И оба выходятъ, наконецъ, изъ храма, неся сіяющую свѣжесть въ лицѣ, радость ликующую въ духѣ, благодаренье Господу на устахъ своихъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Дѣйствіе Божественной Литургіи велико: зримо и въ-очію совершается, въ виду всего свѣта и скрыто. Если только молящійся благоговѣйно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ, душа его пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при Божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Принимается ли онъ за обыкновенныя дѣла свои въ службѣ, или въ семьѣ, гдѣ бы то ни было, — сохраняетъ

невольно въ душѣ своей высокое начертаніе одушевленнаго любовію обращенья съ людьми, принесенное съ небесъ Богочеловѣкомъ. Если имѣетъ власть надъ другими, — невольно становится милостивѣй съ подчиненными. Если самъ подъ властью другого, — охотнѣе и съ любовію ему повинуется. Если видитъ просящаго помощи, — сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать. Если онъ неимущій, — онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даяніе, и никогда съ такою признательностію не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе Божественную Литургію, выходятъ кротче, добрѣе въ обхожденьи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ. А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщенье Божественной Литургіи и внимательное слушанье. Она нечувствительно

строитъ и создаетъ человѣка, и если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышутъ полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть Божественная Литургія, напоминающая человѣку о святой, небесной любви къ брату. А потому, кто хочетъ укрѣпляться въ любви, долженъ сколько можно чаще присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви, и если онъ чувствуетъ себя недостойнымъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хотя быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобы незамѣтно, нечувствительно становиться каждый разъ совершеннѣе.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе Божественной Литургіи, если человѣкъ положитъ правиломъ вносить въ жизнь слышанное. Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ званія, на всѣ сословія,

отъ Царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говоритъ одно, однимъ и тѣмъ же языкомъ: всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь всего общества, сокровенная пружина всего, стройно движущаго жизнь всеобщую.

Но если Божественная Литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, то еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя, или Іерея. Если только онъ благоговѣйно совершалъ ее, со страхомъ, вѣрою и любовію, то ужъ весь онъ чистъ, подобно сосудамъ храма, пребываетъ весь тотъ день. Въ отправленіи ли своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли, посреди домашнихъ, среди ли прихожанъ, которые суть также семья его, — Самъ Спаситель въ немъ вообразится. И во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ, и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли онъ склонять

враждующихъ на примиреніе, преклонять сильнаго на милость къ безсильному, смягчать ожесточеннаго, утѣшать скорбящаго, ободрять къ терпѣнію угнетеннаго,— слова его пріобрѣтутъ силу цѣлительнаго елея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

КОНЕЦЪ.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
мира и добра.

1p.

